

Научное издание

ВЕСТНИК

Луганского государственного
педагогического университета

Серия 3

Филологические науки
Медиакоммуникации

№ 1 (94)
2023

КНИТА

Издатель ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
«Книга»
ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 91011, т/ф (0642)58-03-20

№ 1 (94) • 2023 ВЕСТНИК ЛУГАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Министерство образования и науки
Луганской Народной Республики
Государственное образовательное учреждение
высшего образования
Луганской Народной Республики
«Луганский государственный педагогический университет»

ВЕСТНИК

Луганского
государственного
педагогического
университета

Серия 3

Филологические науки.
Медиакоммуникации

№ 1(94) • 2023

Сборник научных трудов

Луганск
2023

УДК) 08:378.4(477.61)ЛГПУ:[80+070(062.552)]
ББК 95.4я43+80я5+76я5
В 38

Учредитель и издатель
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»

Основан в 2015 г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ ПИ 000196 от 22 июня 2021 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

Синельникова Л. Н. – доктор филологических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Ротерс Т. Т. – доктор педагогических наук, профессор

Выпускающий редактор

Калинина Г. Г. – заведующий редакционно-издательским отделом

Редактор серии

Новикова А. А. – кандидат филологических наук, доцент

Состав редакционной коллегии серии:

Дяговец И. И.	– доктор филологических наук, профессор
Иванов Е. Е.	– кандидат филологических наук, доцент
Калинкин В. М.	– доктор филологических наук, профессор
Колесникова С. М.	– доктор филологических наук, профессор
Кораблев А. А.	– доктор филологических наук, профессор
Кочетова С. А.	– доктор филологических наук, профессор
Кушнерук С. Л.	– доктор филологических наук, профессор
Ломакина О. В.	– доктор филологических наук, профессор
Марфина Ж. В.	– кандидат филологических наук, доцент
Озерова Е. Г.	– доктор филологических наук, профессор
Просянкина О. И.	– доктор филологических наук, доцент
Соболева И. А.	– кандидат филологических наук, доцент
Супрун В. И.	– доктор филологических наук, профессор
Теркулов В. И.	– доктор филологических наук, профессор
Шулежкова С. Г.	– доктор филологических наук, профессор

В38 Вестник Луганского государственного педагогического университета : сб. науч. тр. / гл. ред. Л. Н. Синельникова ; вып. ред. Г. Г. Калинина; ред. сер. А. А. Новикова. – Луганск : Книта, 2023. – № 1(94) : Серия 3. Филологические науки. Медиакоммуникации. – 100 с.

Настоящий сборник содержит оригинальные материалы ученых различных отраслей наук и групп специальностей, а также результаты исследований научных учреждений и учебных заведений, обладающие научной новизной, представляющие собой результаты проводимых или завершенных исследований теоретического или научно-практического характера.

Адресуется ученым-исследователям, докторантам, аспирантам, соискателям, педагогическим работникам, студентам и всем, интересующимся проблемами филологических наук и медиакоммуникаций.

*Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий
(приказ МОН ДНР № 370 от 27 мая 2022 г.; приказ МОН ЛНР № 911-ОД от 10 октября 2018 г.
(с изменениями от 14.04.2022 г.). Включено в РИНЦ*

Печатается по решению Ученого совета Луганского государственного педагогического университета (протокол № 8 от 31 марта 2023 г.)

УДК) 08:378.4(477.61)ЛГПУ:[80+070(062.552)]
ББК 95.4я43+80я5+76я5

© Коллектив авторов, 2023
© ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Долженко Д. А. Китайская языковая личность. Компаративный анализ речевого портрета представителей китайской и русской культур.....	4
Некрутенко Е. Б., Зайцева А. Ю. Языковая личность Д. Трампа: анализ речевого портрета.....	10
Чумак-Жунь Т. В. Особенности категории гендера в английском языке как социально-семантической основы категории рода.....	24

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Бондаренко К. А. Геометрия художественного пространства в романе Джералда Брома «Косиног. История о колдовстве».....	29
Дворцова А. Н. Осмысление Японо-китайской войны и ее последствий в произведениях Янь Гэлин.....	34
Коробко К. В. Связь мифа и действительной реальности в литературной традиции китайского магического реализма.....	40
Ухов А. С. Библиейский текст и его история рецепции в контексте древней ближневосточной литературной традиции.....	46

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Александрова Ю. А. Особенности формирования лексической компетенции при обучении иностранным языкам.....	54
Гончарова С. В. Газетно-публицистические тексты как способ формирования политической культуры на занятиях иностранного языка.....	62
Дволучанская В. А., Британова А. А. Феномен «взаимодействие» в контексте педагогической деятельности на уроках иностранного языка.....	69
Нехаева Е. А. Педагогические основы формирования общекультурной компетентности будущих учителей иностранного языка средствами интерактивных методов обучения.....	74

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Фомина С. Б. Фразеологизмы в современном политическом дискурсе (специфика перевода с английского языка на русский).....	80

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

Турилова А. О., Оселедько М. В. «Женская судьба» как объект медийного интереса.....	87

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	93

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	95

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК [811.581:811.161.1]>27

Долженко Дарья Александровна,
ст. преподаватель кафедры
английской и восточной филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
d_dolzhenko_03@mail.ru

Китайская языковая личность. Компаративный анализ речевого портрета представителей китайской и русской культур

Статья посвящена исследованию речевого портрета китайской языковой личности и его сопоставительному анализу с речевым портретом русской языковой личности. Автор выявляет характерные коммуникативные особенности представителей китайской и русской культур по универсальным параметрам культурных измерений.

Ключевые слова: китайская языковая личность, русская языковая личность, речевой портрет, коммуникативное поведение.

Культура народа определяет систему ценностей как общества в целом, так и его носителей – отдельных личностей. В процессе взаимодействия представителей разных культур происходит взаимная трансляция систем ценностей, и, таким образом, осуществляется процесс межкультурной коммуникации. Успешное осуществление межкультурной коммуникации в частности и успешное изучение иностранного языка в целом зависит непосредственно от понимания особенностей коммуникативного поведения носителей иностранного языка, поэтому изучение коммуникативных особенностей представителей китайской и русской культур позволит более детально раскрыть особенности мировоззрения двух народов, а также будет способствовать решению многих проблем, связанных с межкультурной коммуникацией.

Цель данной статьи заключается в описании речевого портрета китайской языковой личности и его сопоставительного анализа с речевым портретом носителя русской культуры.

Методологической базой исследования послужили характеристики китайской культуры китайскими и отечественными исследователями (Ч. Кайюань, А. И. Кобзев, М. Е. Кравцова, М. В. Крюков, А. Е. Лукьянов, Г. Мин, В. С. Мясников, Л. С. Переломов, М. В. Софронов, М. Л. Титаренко, С. Л. Тихвинский, Ч. Цинсюн, Я. Шаотан и др.).

Прежде всего, необходимо рассмотреть понятие языковой личности. Языковая личность – это личность, выраженная в языке и посредством языка [3, с. 51]. Также под языковой личностью может пониматься закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, своего рода «семантический фоторобот», составленный на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в языке или, другими словами, этносемантическая личность [2, с. 10].

Структура языковой личности состоит из трех уровней.

1. *Вербально-семантического*. Предполагает для носителя нормальное владение естественным языком. Данный уровень также называют лексиконом личности, включающим фонетические и грамматические знания.

2. *Лингво-когнитивного (логико-когнитивного, тезаурусного)*. Предполагает отражение в языке модели мира. Единицами уровня являются уже не отдельные слова и отношения между ними, как на первом уровне, а понятия, идеи, концепты, которые складываются у каждой языковой личности в картину мира, отражающую иерархию ценностей личности. Таким образом, в тезаурусе личности запечатлен образ мира и система знаний о нем.

3. *Мотивационно-прагматического*. Подразумевает выявление и характеристику мотивов и целей, движущих развитием языковой личности и ее поведением, управляющих ее текстопроизводством и определяющих иерархию смыслов и ценностей модели мира в ее языке. Позволяет осуществить переход от речевой деятельности личности к осмыслению ее реальной деятельности. Единицами данного уровня являются коммуникативно-деятельностные потребности [1, с. 22–24].

Таким образом, основываясь на структуре языковой личности, мы пришли к выводу, что язык и культура неразрывно взаимосвязаны, поэтому, переходя к теме изучения иностранного языка и иноязычного общения, следует говорить о необходимости формирования поликультурной языковой личности с помощью средств родного и изучаемого языков. Такая личность владеет не только родным языком, но также иностранным или несколькими иностранными языками и, соответственно, родной и иноязычной культурой, так как изучение языка вне контекста культуры невозможно.

Совокупность определенных характеристик воплощенной в речи языковой личности определенной этнической принадлежности (в данном случае представителей китайской и русской культур) образует ее речевой портрет. В данной статье с целью описания речевого портрета китайской и русской языковой личности нами будут затронуты следующие параметры: «отношение к природе», «отношение к личной свободе»

(соотношение индивидуального и коллективного), «отношение к общению». Данные параметры были выбраны нами как наиболее репрезентативные с точки зрения отражения особенностей китайской и русской культур.

Гармония человека и природы, тождество человека и Неба отражены в древних китайский писаниях: «Небо и человек – едины, Небо и человек взаимно преодолеваются (вливают друг на друга)». В коммуникативном поведении у представителей китайской культуры не принято жаловаться на судьбу, поскольку судьба (命 [mìng]) рассматривается как реализация воли Неба. Поэтому мы можем говорить о том, что китайцы находятся во внутренней гармонии с природой, социумом и с тем, что создает их быт, следовательно, не возникает потребности жаловаться на судьбу. Как следствие, в китайском языке возникают следующие выражения: 顺天者存, 逆天者亡 [shùntiānzhěcún, nìtiānzhěwáng] («кто покорится небесам, тот выживет, а кто пойдет против их воли, тот погибнет»); 达人知命[dárénzhīmìng] («разумный человек знает, что его ожидает»); 乐天知命[lètiānzhīmìng] («быть довольным своей судьбой»); 谋事在人, 成事在天[móushìzàirén, chéngshìzàitiān] («задумать дело – зависит от человека, завершить дело – зависит от неба»); 作善降祥[zuòshànjiàngxiáng] («творящему добро небо посылает благо»).

Попытка идти против законов природы отражена в чэнььюе 断鹤续凫 [duàn hè xù fú] («отрубить ноги журавлю и приставить их утке»), так говорят о чем-то противоестественном, что противоречит законам природы.

В русской культуре человек в определенной степени подчинен природе, нежели сосуществует с ней в гармонии. В коммуникативном поведении это отражено частотностью употребления лексемы «судьба» в негативном значении: «такова уж судьба», «не судьба», «от судьбы не уйдешь», «удар судьбы», «искушать судьбу», «судьба-злодейка» и др.

Коллективизм является одной из базовых ценностей китайской культуры. Коллективизм, самоидентичность, сплоченность, привязанность к Родине – важнейшие особенности китайской личности. Культурный компонент значения концепта «дружба» в китайской культуре подразумевает бескорыстную помощь и участие, что делает его близким к пониманию дружбы в русской культуре. Китайцы говорят: 买卖不成情意 [mǎimàibùchéngqíngyìzài] (букв. «сделка не состоялась, но дружба сохранилась», образ. «дружба дороже денег»). Таким образом, мы можем видеть, что дружба, как одна из ценностей коллективизма, играет важную роль для жителей Поднебесной, что также характерно и для русской культуры. Тем не менее, в русской культуре дружба трактуется несколько иначе. В понимании россиянина «друг» – более глубокое понятие, чем «очень хороший коллега/знакомый». Друзей не может быть много, с ними надо пережить трудности, лишения, сродниться духовно, дружба должна быть испытана временем и т. д.

Понимание китайцами дружбы опосредовано такими характеристиками китайской культуры, как высококонтекстуальность и низкоконкурентность, согласно которым рабочие отношения принято воспринимать как дружеские, личные. Стоит один-два раза встретиться с китайцами, провести рабочие переговоры, как на третий раз можно услышать следующее: 因为我们是老朋友, 所以... [yīnwèiwǒmenshìlǎopéngyǒu, suǒyǐ...] («так как мы с тобой старые друзья, то...»).

Коллективистские ценности также нашли отражение во фразеологических единицах, обозначающих, что люди должны совместно прилагать усилия, чтобы преодолеть опасность, трудности, лишения и т. д.:

– 同舟共济 [tóngzhōu gòngjì] (букв. «пересекать реку в одной лодке»), т. е. «действовать в одном направлении, объединить усилия»;

– 远亲不如近邻 [yuǎnqīn bù rú jìnlín] («ближний сосед лучше дальнего родственника»).

В русской культуре групповые интересы также находятся в приоритете: «так будет лучше для нас», «так нам всем будет удобнее», «руководствуясь интересами большинства» и т. д. Также не принято хвалить себя, присутствует коллективная ответственность за проступки одного из участников коллектива, в процессе диалога наблюдается совместное формулирование высказывания.

Параметр «отношение к общению» в китайской культуре характеризуется высококонтекстуальностью. В процессе коммуникации китайцы в большей степени склонны к оценке контекста ситуации, из которого затем извлекают значения. Для жителей Поднебесной важны место общения, статус его участников, жесты и мимика, а также многие другие детали, которые способствуют углублению понимания предмета общения: 言多语失 [yánduōyǔshī] (букв. «много слов – речи ошибочны», образ. «язык до добра не доведет»). Данное выражение демонстрирует нам, что в процессе коммуникации большой процент информации считывается китайцами скорее благодаря экстралингвистическим средствам.

Также для китайского коммуникативного поведения свойственна неоднозначность. «Да» часто может означать «нет», либо «нет» может быть высказано в очень мягкой форме, в связи с этим в отношении китайской культуры применяется понятие «щадящий отказ», что подразумевает отсутствие в речи китайцев прямого категоричного отказа, который заменяется следующими формулировками: 我会考虑的 [wǒhuìkǎolùde] («я подумаю»); 我不能同意 [wǒbùnéngtóngyì] («я не могу согласиться»); 让我想一想 [ràngwǒxiǎngyīxiǎng] («позвольте мне подумать»). Подобные выражения часто вводят собеседника в заблуждение, однако такое поведение объясняется существованием в китайской культуре концепции «лица». Самое страшное для китайцев – «потерять лицо». Тем не менее, исходя из рассмотренных нами выше примеров «щадящего отказа», очевидно, что представители китайской культуры

заботятся не только о сохранении собственной репутации, но и репутации собеседника, в процессе коммуникации китаец никогда не будет демонстрировать превосходство над другими участниками диалога. Также китаец не будет стремиться отстаивать свою точку зрения, скорее всего он сделает вид, что согласен с вами, оставаясь, тем не менее, при своем мнении. Таким образом, глубокое уважение к собеседнику и вежливость являются важными отличительными чертами китайской языковой личности. При общении китаец обязан показать, что считает другого участника диалога образованным человеком, даже в том случае, если это не соответствует действительности.

Для представителей русской культуры в общении свойственна категоричность и прямолинейность. Коммуникативное поведение отличается эмоциональностью, склонностью к преувеличению, искренностью и импульсивностью. Таким образом, русский бытовой диалог более экспрессивен, нежели китайский, часто он изобилует выражениями, которые влекут за собой «потерю лица» адресата (насмешка, упрек, порицание, совет). В таком случае диалог приобретает соревновательный или даже агрессивный характер. Носители русской культуры склонны активно отстаивать свою точку зрения и открыто выражать несогласие: «Да ты что!», «Вот еще что!», «С какой стати!», «Я абсолютно не согласен с тобой», «Это полный бред», «Ты не прав». Несмотря на то, что русская культура так же, как и китайская, относится к коллективистскому типу культур с его ориентацией на коллективистские ценности, всепрощение и соборность, коммуникативное поведение русской языковой личности, тем не менее, характеризуется конфликтностью и активностью в отстаивании своей позиции. Следовательно, в русской культуре умение доказать свою правоту и наличие собственной точки зрения являются преимуществами, в отличие от китайской культуры.

Таким образом, анализ речевого портрета представителей китайской и русской культур позволяет нам выделить существующие сходства и различия в коммуникативном поведении, что способствует решению проблем, связанных с межкультурной коммуникацией. Перспективы дальнейшего исследования данной проблемы видятся нам в расширении спектра анализируемых параметров культуры.

Список литературы

1. **Гурулева, Т. Л.** Китайская языковая личность : монография / Т. Л. Гурулева. – М. : Издательский дом ВКН, 2019. – 160 с.
2. **Карасик, В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
3. **Караулов, Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 2002. – 264 с.

Dolzhenko D. A.

Chinese Linguistic Personality. Comparative Analysis of Chinese and Russian Cultures Representatives' Speech Portraits

The article is devoted to the study of the Chinese linguistic personality's speech portrait and its comparative analysis with the Russian linguistic personality speech portrait. The author reveals the characteristic communicative features of Chinese and Russian cultures representatives according to the universal parameters of cultural dimensions.

Key words: *Chinese linguistic personality, Russian linguistic personality, speech portrait, communicative behavior.*

УДК 929Трамп : 811.111'276.1

Некрутенко Елена Борисовна,
канд. пед. наук, доцент кафедры
теории и практики перевода
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
elena.summerhill@yandex.ua

Зайцева Анна Юрьевна,
преподаватель кафедры теории и
практики перевода
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
vasilenko0905@mail.ru

Языковая личность Д. Трампа: анализ речевого портрета

Статья посвящена языковой личности Д. Трампа в контексте анализа его речевого портрета. Языковая личность американского политического лидера была рассмотрена с лингвистической стороны. Исследованы различные стратегии, тактики и приемы в публичных выступлениях политика. Проанализированы инаугурационные речи Д. Трампа и Б. Обамы, выявлены сходства и различия в их речи.

Ключевые слова: языковая личность, речевой портрет, публичные выступления, Д. Трамп.

Современное языкознание все чаще обращает внимание на идею антропоцентризма. Растет количество исследований, посвященных проблемам языковой картины мира человека, взаимосвязи языка и внутреннего мира личности. В связи с идеей антропоцентризма термин «языковая личность» приобретает существенное значение и в современном языкознании.

В условиях современного мира политический дискурс вызывает интерес не только у историков, политологов и юристов, философов, но также и у лингвистов. Язык политики стал предметом активного обсуждения на многих научных конференциях. Фигура Д. Трампа в политике США является актуальной темой для обсуждений в виду того, что этот политик, используя силу ораторского искусства, смог добиться победы на выборах президента Америки и продолжает поддерживать интерес к своей личности до сих пор.

Среди зарубежных лингвистов, изучавших понятие языковой личности (далее – ЯЛ), были такие языковеды, как В. Гумбольдт, И. А. Бодуэн де Куртене, Ф. де Соссюр, Э. Сепир и др. Отечественные ученые-лингвисты Р. А. Будагов, В. В. Виноградов, А. М. Пешковский и др. также внесли большой вклад в развитие данной проблемы.

На современном этапе мы можем выделить несколько направлений в изучении ЯЛ: разработка модели языковой личности (Ю. Н. Караулова, Г. И. Богина, С. Г. Воркачева), анализ языковой личности как *homoloquens* (Г. В. Ейгер, С. В. Лебедева, И. А. Раппопорт, А. А. Залевская), рассмотрение языковой личности как носителя национального языка и культуры (Н. В. Уфимцева, Н. Л. Чулкина, В. М. Богуславский), выделение социолингвистического или психологического подтипа – языковая личность ребенка, интеллигента, жителя деревни, ведущего и т. д. (А. В. Захарова, Л. П. Крысин, Г. Н. Беспамятнова, Т. А. Ивушкина, М. В. Ляпон), переход от языковой личности к речевой личности (Л. П. Клобукова, Е. Ю. Прохоров, В. В. Красных) и др. [1]. Несмотря на тот факт, что его место в овальном кабинете уже занято другим представителем, в данной статье мы решили рассмотреть дискурс его избирательной кампании в 2015–2016 гг., ведь именно в тот период оппоненты недооценили силу поддержки избирателей, и его победа стала весьма внезапной для многих.

Цель статьи – рассмотреть языковую личность политика Д. Трампа в контексте речевого портрета.

Дональд Джон Трамп родился 14 июня 1946 года в Куинсе, Нью-Йорк. Наряду с баллотированием в президенты с 1988 года он был предпринимателем в сфере недвижимости, владельцем конкурса красоты, вел реалити-шоу «Кандидат» и даже появлялся в качестве cameo в некоторых кинолентах. Отсюда и особенности его риторики, сформированные на опыте ведения бизнес-переговоров и участия в телевизионных передачах.

Политик производил хорошее впечатление на избирателей-республиканцев, потому что, по их мнению, он «говорил то, во что верил, а не то, что люди хотят услышать» [1, с. 49]. Однако после его антиисламских заявлений, в которых он говорил о введении регистрации для мусульман и намерения избавиться от иммигрантов из Мексики, его рейтинг понизился. Также в рамках кампании Д. Трамп запустил акцию «Spread in spiration around» (SIA), целью которой являлось вдохновение людей посредством мотивирующих фраз [3, с. 350].

Анализируя языковой портрет личности Д. Трампа, мы использовали определенную модель, включающую содержательно-коммуникативную составляющую. Содержательная составляющая позволила нам выделить следующие понятия: патриотизм, свобода выбора, историческое единство нации, изменения внешней и внутренней политики, будущее страны. Данные понятия подтверждают, что Д. Трамп ориентируется на традиционные ценности американского общества.

Коммуникативная составляющая модели подразумевает использование стратегий и тактик, которые ЯЛ использует в своих выступлениях. В статье мы проанализируем лишь некоторые из них: стратегия борьбы за власть, стратегия интерпретации информации, стратегия убеждения,

стратегия формирования эмоционального фона слушателей / зрителей: при этом политик стремится показать аудитории положительное в отношении будущего и отрицательное в своих оппонентах. Удачная комбинация стратегий и тактик в публичных выступлениях приводит к привлечению на свою сторону значительного количества избирателей.

Рассмотрим подробнее использованные стратегии в рамках предвыборной кампании политика. Д. Трамп использовал различные стратегии, тактики и приемы, ведущие к определенным целям. Первая из них – это борьба за власть и победа на выборах. Одним из путей борьбы является дискредитация противника, а именно обвинения оппонентов или предшественников. В своих выступлениях политик использовал подобную тактику для обвинений по поводу внешней и внутренней политики Х. Клинтон:

Оригинал	Дословный перевод
«We will reject Hillary Clinton’s poverty-expansion agenda that enriches her friends and makes everyone else poor» [5].	«Мы отвергнем программу Хиллари Клинтон по расширению масштабов нищеты, которая обогащает ее друзей и делает всех остальных бедными».
«Hillary Clinton foreign policy legacy is chaos» [5].	«Внешнеполитическое наследие Хиллари Клинтон – хаос».

Таким образом, Д. Трамп подрывал доверие к оппоненту и поддерживал свой положительный имидж.

Вторая цель – обнародование проблем в стране. В данном случае политик использует методы информирования и интерпретации. Например, в своей речи «An American First Energy Plan» («Американский первый энергетический план») Д. Трамп говорит о своем плане, начиная с проблемы энергоресурсов США:

«President Obama’s stated intent is to eliminate oil and natural gas production in America» [4].	«Президент Обама заявил о намерении ликвидировать добычу нефти и природного газа в Америке».

В следующем примере политик развивает эту проблему и предсказывает последствия. Примечательно, что здесь комбинируются тактики информирования и дискредитации:

«President Obama’s anti-energy orders have weakened our security, by keeping us reliant on foreign sources of energy. If he wanted to weaken America, he couldn’t have done a better job» [4].	«Антиэнергетические приказы президента Обамы ослабили нашу безопасность, удерживая нас в зависимости от иностранных источников энергии. Если он хотел ослабить Америку, то он проделал отличную работу».

Далее Д. Трамп применяет метод интерпретации и показывает свое видение решения данной проблемы посредством развития промышленности, увеличения количества рабочих мест. Таким образом, он пытается убедить избирателей проголосовать за него на выборах:

«We are going to safe the coal industry and other industries threatened by H. Clinton’s extremist agenda» [10].	«Мы собираемся обезопасить угольную промышленность и другие отрасли, которым угрожает экстремистская программа Х. Клинтон».

Наряду с этими стратегиями политик применяет еще одну – стратегию формирования эмоционального фона избирателей. В этом ему помогают следующие тактики:

– тактика единения с публикой:

«Together, we will put the American people first again» [9].	«Вместе мы снова поставим американский народ на первое место».
«We will make our country strong again» [9].	«Мы снова сделаем нашу страну сильной».

– тактика апеллирования к эмоциям слушателей / зрителей:

«H. Clinton’s agenda is job destruction. My agenda is job creation. She wants to tax and regulate our workers to the point of extinction» [8].	«Повестка дня Клинтон – уничтожение рабочих мест. Моя повестка дня – создание рабочих мест. Она хочет облагать налогом и регулировать наших работников до точки исчезновения».

Следующая стратегия, замеченная в речи политика – стратегия убеждения, которую уместно применить в аргументациях. Целью стратегии является убеждение слушателей / зрителей в своей правоте.

Для успешной реализации стратегии Д. Трампу помогают такие тактики, как: сопоставление себя с оппонентом, посредством внушительных доводов, оценок, избегая громогласных заявлений; обоснование перспектив развития, приведение статистических данных для подтверждения ранее сказанного.

«She (Clinton) wants terrible trade deals, like NAFTA, signed by her husband, that will empty out our manufacturing» [6].	«Она (Клинтон) хочет, чтобы ужасные торговые сделки, такие как НАФТА, подписанные ее мужем, опустошили наше производство».

Для сравнения, мы также проанализировали инаугурационные речи Д. Трампа и Б. Обамы. Несмотря на то, что у такого типа речи отличается цель, идеология и эмоциональный фон аудитории, мы заметили следующие сходства и различия.

1. Различия в применении метода аргументации и ее подачи:

D. Tramp: «The Bible tells us, «how good and pleasant it is when the God’s people live together in unity» [6].	Д. Трамп: «Библия говорит нам: «Как хорошо и приятно Божьим людям жить вместе, в единстве».
B. Obama: «We are shaped by every language and culture, drawn from every end of the world» [6].	Б. Обама: «Мы сформировались путем объединения языков и культур, собранных со всей Земли».

В данном примере оба политика говорят о единстве нации. Однако различие их подачи заключается в том, что республиканец Д. Трамп приводит цитаты из Библии, в то время как Б. Обама апеллирует к истории, напоминая о том, что единство американской нации основывается на разнообразии языков и культур.

2. Концепт «будущее страны» подается разными тактиками:

Д. Трамп демонстрирует тактику апеллирования к эмоциям посредством выражения решительности к действиям в своем правлении:

«The time for empty talk is over. Now arrives the hour of action» [10].	«Время пустых разговоров закончилось. Наступает час действий».

Б. Обама снова использует аргументацию в отношении достойного демократического правления в США и вновь прибегает к актуальному в когнитивном плане из области истории, значимому для американцев (Война за независимость США):

«The patriots of 1776 did not fight to replace the tyranny of a king with the privileges of a few or the rule of a mob» [7].	«Патриоты сражались в 1776 г. не за то, чтобы заменить тиранию короля привилегиями для немногих или властью толпы».

Рассмотрим основные особенности композиции речи Д. Трампа.

Композиционные особенности выступлений Д. Трампа

Определенная черта выступлений Д. Трампа была заметна уже в начале его избирательной кампании и отличала политика от других кандидатов. Его речи присуща «несвязность», для которой характерно наличие определенных дискурсивных маркеров, например, соединительных слов «so», «you know», «anyway». Результатом использования данных слов-маркеров являлась неспособность зрителей уловить логическую связь его суждений. Помимо этого, политик не всегда использует нормативные композиции: опускаются герои, диалоги и даже место событий.

Однако все же есть отличительные черты композиции его выступлений. Например, свое выступление Д. Трамп начинает с определенного обращения к народу. Как, например, в выступлении «On education» (Об образовании) он обратился к народу:

«To achieve the future, we must enrich the mind and the souls of every American child...» [8].	«Чтобы достигнуть будущего, мы должны обогатить ум и души каждого американского ребенка...»

С помощью этого приема он дает понять публике, что они едины общей целью. Этот же прием мы можем наблюдать и далее:

«Education is the civil rights issue of our time...» [8].	«Образование – проблема гражданских прав нашего времени...»

Говоря о проблемах образования в США, он акцентирует внимание на проблеме финансирования данной сферы:

«I am calling upon Members of both parties to pass an education bill that funds school choice for disadvantaged youth, including millions of African-American and Latino children. These families should be free to choose the ... school that is right for them...» [8].	«Я призываю членов обеих сторон принять законопроект об образовании, который финансирует выбор школы для обездоленной молодежи, включая миллионы афроамериканских и латиноамериканских детей. Эти семьи должны быть свободны в выборе школы, которая подходит им...»

Таким образом, политик затрагивает тему, важную для малоимущих семей, и ставит их на свою сторону.

Следующий этап его выступления – будущие обязательства перед народом. Здесь он объявляет то, что он намерен выполнить за срок своего правления. Продолжая анализ выступления «On education» (Об образовании), мы выделяем тот момент, где политик обещает выделить средства на дополнительные программы:

«... I will campaign to get the states to reallocate another \$110 billion of their education budgets to school choice programs...» [8].	«Я буду проводить кампанию по распределению штатами еще 110 миллиардов долларов своих образовательных бюджетов на выбор школьных программ».

Д. Трамп также обещает предпринять все необходимые действия, чтобы улучшить качество образования:

«As your president, I will be the biggest cheerleader for school choice you've ever seen, because I know it can turn things around. Common Core – we're going to end it» [8].	«Как ваш президент, я буду самым ярким сторонником в выборе школы, которого вы когда-либо видели, потому что я знаю, что это может изменить ситуацию. Common Core – мы с этим покончим».

В завершении выступления политик использует метод обобщения для постановки целей и побуждает публику к действию:

«A four-year degree today can be expensive enough to create six-figure debt. We can't forgive these loans, but we should take steps to help students...» [8].	«...Сегодня четырехлетняя степень может означать шестизначный долг. Мы не можем простить эти кредиты, но мы должны предпринять шаги, чтобы помочь студентам...»

Выступление Д. Трамп заканчивает риторическим вопросом, который дает пищу для размышлений его публике и положительно влияет на его самопрезентацию:

«These student loans are probably one of the only things that the government shouldn't make money from, and yet it does. And do you think this has anything to do with why schools continue to raise their tuition every year? Those loans should be viewed as an investment in America's future» [8].	«Эти студенческие ссуды, вероятно, являются одной из единственных вещей, на которых правительство не должно зарабатывать деньги, и все же это происходит. И как вы думаете, это имеет какое-либо отношение к тому, почему школы продолжают повышать свое обучение каждый год? Эти кредиты следует рассматривать как инвестиции в будущее Америки...»

Основываясь на вышеизложенном, мы приходим к выводу, что композиция выступлений Д. Трампа, несмотря на несвязность, все же имеет некоторую последовательность. Это просматривается в том, что каждый блок его речи опирается на главную тему, раскрывая ее с разных сторон.

Особенности лексического инструментария Д. Трампа.

Анализируя лексические особенности политического дискурса Д. Трампа, мы брали за основу трехуровневую модель языковой личности Ю. Н. Караулова [2, с. 51]. Проведя исследование лексических особенностей речи политика, мы заметили следующие категории:

1. Лексические повторы и редупликации

Данные фигуры речи политик применяет для привлечения и удержания внимания публики на конкретной теме:

«Tremendous amounts of work has been done, and tremendous, frankly, amounts of money has been donated» [9].	«Проделана огромная работа, пожертвованы огромные, прямо скажем, суммы денег».

2. Анафора

Обычно данный прием используют для положительных высказываний, однако политик применяет его и для отрицательного эмоционального напряжения:

«You waited, you prayed, you answered that most dreaded call, and your life changed forever» [6].	«Вы ждали, вы молились, вы ответили на самый страшный звонок, и ваша жизнь изменилась навсегда».

3. Метафора

В традиционном политическом дискурсе метафору применяют для формирования определенного образа, поддержки аргументации, убеждения, воздействия на публику и так далее. Однако Д. Трамп неумело использует данный прием. Его метафоры в речи не привлекают желаемого внимания. Часто исследователи сравнивают его умение использовать метафоры с его несвязностью суждений – публике непонятен смысл и намерения политика. Например: «China is raping our country» [7] и «We have the cards, don't forget it» [7].

В данном случае метафоры «raping» и «have the cards» имеют разную тематику и не несут никакого отклика кроме эмоционального.

4. Разговорные выражения

Данный лексический пласт языка используется политиком, чтобы показать единство с народом и быть к нему ближе. Мы подразделили эту категорию на несколько:

1) фразовые глаголы:

«It doesn't play well because it was perfect, so he made up a totally false conversation with the Ukrainian President and we caught him cold» [7].	«Это не вяжется, потому что это было идеально, поэтому он выдумал абсолютно ложный разговор с украинским президентом, и мы поймали его с поличным».

2) концепт «благодарность»:

«Thank you very much! Thank you! Thank you! What a group! Wow! Thank you!» [6]. – Большое спасибо! Спасибо! Спасибо! Что за публика! Ух ты! Спасибо!

3) девиантная лексика используется политиком для привлечения менее образованной части населения и для создания крайне отрицательного или крайне положительного образа, например: poor bastard – о Бето О'Рурке, bullshit – об импичменте, hell – в разных ситуациях.

Помимо этих категорий, мы также заметили другие особенности лексики Д. Трампа, которые в большей мере являются концептами – избегания слов «политика», «правительство», «президент», частое употребление слова «again» и концепты «свобода», «демократия», «единство», «изменение»:

(1) «Under a Trump administration, no American citizen will ever feel again that their needs come second to the citizens of foreign countries» [9].	«При правлении Трампа ни один американский гражданин не почувствует снова, что их потребности уступают гражданам иностранных государств».
(2) «I will say this: We have the best economy we've ever had in the history of our country. Our country is doing really great» [6].	«Скажу так: у нас самая лучшая экономика за всю историю нашей страны. Дела у нашей страны идут очень хорошо».
(3) «Just last week, we announced that we smashed expectations and created 266,000 jobs in November – a number that was unthinkable a day before» [6].	«Буквально на прошлой неделе мы объявили, что разбили ожидания и создали 266 000 рабочих мест в ноябре – число, которое вчера было немыслимо».

Отметим, что концепт патриотизма играет главную роль положительной самопрезентации в построении дискурса Д. Трампа. Идея единства поднимается политиком для воссоздания картины, где народ и президент работают вместе на благо страны. Данный концепт реализуется с помощью таких лексем, как: *the nation-state, the greatest country on the globe, to lead a free world, to make America respected again, to make America wealthy again, to put America first, to win the Cold War, a strong and smart America, our homeland*.

Лексема «again» в примере 1 является напоминанием о былых, хороших временах в стране и убеждением в грядущих положительных изменениях. Избегание определенных слов в контексте политики позиционирует Д. Трампа как практичного президента. Концепт «изменение» (3) проявил себя в нескольких аспектах речи политика:

– изменения во внешней политике: *to defeat terrorism in the middle east, to halt the spread of radical islam, to have military dominance;*

– изменения в экономике страны: *to create millions of jobs, to increase our economic might, to support oil and gas industry, to save the coal industry;*

– изменение в тактике развития технологий: *3-Dprinting, new approaches, technological superiority, artificial intelligence*.

Исходя из этого, мы можем сказать, что языковая личность Д. Трампа со стороны лексического инструментария говорит нам о том, что политик является сторонником понятия «ближе к народу». Его тактика заключается в использовании разговорных выражений, фразовых глаголов, анафоры, метафоры и повторов. Д. Трамп часто акцентирует внимание публики на патриотизме, свободе и единстве нации. Это проявляется в частом употреблении местоимений «мы, наш, наше» и так далее, а также призывает к возрождению старой

Америки, используя лексему «снова». Все это помогает ему достичь желаемой цели, дискредитировать оппонента и указывает на качества сильного оратора.

Тематико-идеологические тенденции в политическом дискурсе Д. Трампа.

Как уже было написано выше, основное воздействие в своей речи Д. Трамп нацеливает на избирателей среднего класса (рабочий класс, не имеющий высшего образования, а также консерваторов и традиционалистов), так как такие люди выказывают недовольство предыдущим президентам. Мы считаем, что именно для этого он и применяет в своей речи все вышеописанные композиции и лексические методы. Ведь используя их, он добивается у публики положительной самопрезентации как «своего человека» и привлекает на свою сторону потенциальных избирателей.

Главная идеология всех выступлений Д. Трампа – патриотизм, любовь к Родине, к своей стране. Например:

«My agenda will be accomplished through a serious of reforms that put America first» [8].	«Моя повестка дня будет выполнена с помощью серьезных реформ, которые поставят Америку на первое место».
«Ladies and Gentlemen, we will make America Great again» [9].	«Дамы и господа, мы сделаем Америку великой снова».

Также в контексте патриотизма Д. Трамп утверждает, что Америка снова должна стать «для американцев», где в приоритете защита прав и интересов американских граждан, а не иммигрантов:

«Under a Trump administration, no American citizen will ever feel again that their needs come second to the citizens of foreign countries» [9].	«При администрации Трампа ни один американский гражданин не почувствует, что их потребности уступают гражданам иностранных государств».

Подтверждая свою теорию, политик с гордостью указывает на исторические корни нации:

«We will not apologize for becoming successful again, but will instead embrace the unique heritage that makes us who we are» [9].	«Мы не будем извиняться за то, что снова стали успешными, а вместо этого примем уникальное наследие, которое делает нас теми, кто мы есть».

Наряду с патриотизмом, политик уделяет внимание теме свободы, которая проявляется во всем. Так, в своей речи «An American First Energy Plan» («Американский первый энергетический план») Д. Трамп говорит:

«It's the choice between certain decline, or a revival of America's promise» [7].	«Это выбор между определенным падением или возрождением обещаний Америки».

Таким образом, политик убеждает публику, что от их выбора зависит будущее страны.

В концепте «сильное государство» Д. Трамп, прежде всего, видит основу для благоприятного будущего Америки. Он решительно осуждает политику глобализации и показывает в своей речи «сильную Америку»:

«We will no longer surrender this country or its people to the false song of globalism» [7].	«Мы больше не отдадим эту страну или ее народ ложной песне глобализма».

Также данная тема присутствует в дискурсе политика для стран-друзей и союзников:

«To all our friends and allies, I say America is going to be strong again» [7].	«Для всех наших друзей и союзников я говорю, что Америка снова будет сильной».

Д. Трамп также касается этой темы и для вражески настроенных против Америки стран. Однако в данном концепте он исключает насилие, уступая место дипломатии:

«Unlike other candidates for presidency, war and aggression will not be my first instinct. A superpower understands that caution and restraint are signs of strength» [7].	«В отличие от других кандидатов на пост президента, война и агрессия не будут моим первым инстинктом. А сверхдержавы понимают, что осторожность и сдержанность являются признаками силы».

Также важное место в дискурсе политика занимает развитие, прогресс, изменение. Д. Трамп убеждает публику в том, что за срок своего правления он добьётся изменений в ряде областей. Например, в своей речи «An American First Energy Plan» («Американский первый энергетический план») он негативно отзывается о решении Б. Обамы урезать угольную и нефтяную промышленность, так как это повлияло на трудоустройство населения и привело к обнищанию населения:

«President Obama has done everything to kill coal industry» [4].	«Президент Обама сделал все, чтобы убить угольную промышленность».

В первую очередь Д. Трамп обещает заняться развитием энергетической промышленности в стране:

«American energy dominance will be declared a strategic economic and foreign policy goal of the United States» [4].	«Американское энергетическое доминирование объявят стратегической, экономической и внешнеполитической целью США».

Также политик имел планы по развитию со стороны внешней политики: ослабление напряженности в мире, стабилизация ситуации на Ближнем Востоке, трансформация политики США в отношении Китая и России, перестройка стратегии борьбы с ИГИЛ:

«Our foreign policy is a complete and total disaster. No vision, no purpose, no strategy» [4].	«Наша внешняя политика – это полная катастрофа. Ни видения, ни цели, ни стратегии».

Наряду с этими проблемами Д. Трамп также упоминает «the right to be well off», а именно материальное благополучие граждан Америки как одно из базовых ценностей американцев. Д. Трамп в своей речи «Files Personal Form Financial Disclosure Form With The Federal Election Commission» («Форма раскрытия финансовой информации в Федеральной избирательной комиссии») гордо рассказывает о своем бизнесе, методах заработка и отрицательно отзывается о политиках, которые, по его мнению, заняты «политической болтовней»:

«I have built an incredible company and have accumulated one of the greatest portfolios of real estate assets, many of which are considered to be among the finest and most iconic properties in the world. This is the kind of think in the countryneeds» [9].	«Я построил невероятную компанию и накопил один из величайших портфелей недвижимости, многие из которых считаются одними из лучших и знаковых в мире. Именно такое мышление нужно стране».

По итогам исследования мы можем выделить следующие тематико-идеологические тенденции.

1. Патриотизм и свобода слова

«That all changes – starting right here, and right now, because this moment is your moment: it belongs to you; This is your day. This is your celebration» [4]. – *Всё изменится – прямо здесь и прямо сейчас, потому что этот момент – это ваш момент, он принадлежит вам; это ваш день. Это ваш праздник.*

2. Развитие и прогресс в экономике и не только

«Mothers and children trapped in poverty in our inner cities; rusted – out factories scattered like tombstones across the landscape of our nation; an education system, flush with cash, but which leaves our young and beautiful students deprived of knowledge» [5]. – *Матери с детьми оказались запертыми в ловушке нищеты в трущобах; проржавевшие заводы разбросаны, как могильные камни, по территории нашей страны;*

система образования купается в деньгах, но не дает нашим молодым и прекрасным студентам знаний.

3. Особенности внешней политики

«From this moment on, it's going to be America First» [7]. – *С этого самого момента Америка всегда будет Первой.*

4. Единство нации

«When America is united, America is totally unstoppable» [7]. – *Когда Америка едина, Америку не остановить.*

5. Будущее Америки

«And, Yes, Together, We Will Make America Great Again. We will bring back our jobs; We will bring back our wealth» [7]. – *И Да, Вместе Мы Сделаем Америку Великой Снова. Мы вернем наши рабочие места. Мы вернем наше благосостояние.*

Безусловно, Д. Трамп выделяется среди современных политических деятелей своим языковым имиджем. При этом одна часть публики, в том числе журналисты, считают его мастером риторики, а другая резко критикует. Перспективы исследований мы видим в дальнейших исследованиях языковой личности Д. Трампа.

Список литературы

1. **Дымарский, М. Я.** Речевая культура и речевая манера (к проблеме оценки нормативности речевой практики) / М. Я. Дымарский // *Русский язык сегодня*. – Вып. 4. Проблемы языковой нормы : сб. статей. – М., 2006. – 275 с.
2. **Карасик, В. И.** Языковая матрица культуры / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2012. – 448 с.
3. **Корецкая, О. В.** Лингвостилистические особенности политической риторики Дональда Трампа / О. В. Корецкая // *Преподаватель: XXI век*. – 2017. – № 2. – С. 349–355.
4. **Donald Trump Addresses a 9/11 Observance Ceremony at The Pentagon** // Factbase: site / FactSquared, Inc. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://factba.se/transcript/donald-trump-remarks-september-11-observance-ceremony-september-11-2019>, свободный. Дата обращения: 16.12.2021 г.
5. **Donald Trump Addresses the Launch of “Black Voices for Trump” in Atlanta** // Factbase: site [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://factba.se/transcript/donald-trump-speech-black-voices-fortrump-atlanta-november-8-2019>, свободный. Дата обращения: 17.12.2021 г.
6. **Donald Trump Colorado Springs, CO Rally Transcript** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-colorado-springs-co-rally-transcript>, свободный. Дата обращения: 11.04.2022 г.

7. **Donald Trump Delivers Remarks at Child Care and Paid Leave Summit** // Factbase: site [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://factba.se/transcript/donald-trump-remarks-child-care-parental-leave-summit-december-12-2019>. Дата обращения: 17.12.2021 г.
8. **Donald Trump Delivers Remarks on Veterans Day in New York City** // Factbase: site [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://factba.se/transcript/donald-trump-remarks-veterans-day-new-york-city-november-11-2019>, свободный. Дата обращения: 15.12.2021 г.
9. **Donald Trump New Jersey Rally Speech Transcript** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-new-jersey-rally-speech-transcript-trump-holds-rally-in-wildwood-nj>, свободный. Дата обращения: 01.04.2022 г.
10. **Donald Trump On Education Transcript** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ontheissues.org/2016/donald_trump_education.htm, свободный. Дата обращения: 06.11.2021 г.

**Nekrutenko E. B.,
Zaitseva A. Yu.**

D. Trump's Linguistic Personality: a Speech Portrait Analysis

The article deals with the linguistic personality of D. Trump in the context of the analysis of his speech portrait. The linguistic personality of the American political leader was examined from the linguistic side (compositional and lexical features of political discourse). Different strategies, tactics and techniques in the politician's public speeches were investigated. The inaugural speeches of D. Trump and B. Obama were analyzed, similarities and differences in their speech were identified.

Key words: *linguistic personality, speech portrait, public speeches, D. Trump.*

УДК 811.111'366.52'27'37:305

Чумак-Жунь Татьяна Владимировна,
преподаватель кафедры английской и
восточной филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
chumak_tv04@mail.ru

Особенности категории гендера в английском языке как социально-семантической основы категории рода

В данной статье рассматривается понятие «гендер», а также гендерные особенности категории рода в английском языке. Представлены примеры отражения языком гендерных социальных стереотипов.

Ключевые слова: категория, род, исследование, язык, гендер, стереотип.

Гендерный анализ английского языка тесно связан с исследованиями категории рода. В английском языке мы имеем, относительно категории рода, различные категории существительных, местоимения и определенный набор эпитетов, которые содержат в себе определенные семантические маркеры, которые и показывают информацию, заложенную в «гендере». В свою очередь, категория гендера является неким социальным объектом, поэтому и характеризуется как социально-семантическая, которая выступает в языке как основа категории рода.

Изучение данного вопроса является актуальным из-за возникновения гендерных проблем, как в самом английском языке, так и в сфере общих отношений, средств массовой коммуникации, образования и литературы. Большой вклад в изучение данной проблематики внесли такие отечественные ученые, как И. А. Гусейнова, М. А. Дмитриева, И. А. Жеребкина, Г. И. Зверева, В. И. Карасик и др. Первой среди лингвистов, кто поднял вопрос о научном подходе к изучению гендера, была А. В. Кирилина. Она сделала вывод о том, что гендерные исследования постепенно устанавливают возможность гендерного подхода в конкретных, часто научных областях [2].

Понятие «гендер» представляет собой многоуровневую структуру, которая, несомненно, связана со многими социальными процессами через его влияние на личности и не может быть рассмотрена только лишь при изучении личностей. Сегодня гендер находится в центре внимания очень многих исследователей, ведь данная категория заставляет задуматься об обществе, праве, языке и культуре. Гендер также изучают исследователи политического дискурса. Данный термин

широко исследуется в таких науках, как социология, философия, психология, социальная философия, история. Таким образом, в настоящее время основное предназначение термина «гендер» – подчеркнуть не природную, а *социокультурную* причину различий между мужчинами и женщинами [2, с. 8].

Следует отметить, что отражение гендерных отношений в современной английской языковой картине мира находит свое яркое воплощение в тезаурусе, который служит актуализатором двух фреймов, а именно: *Femalegender* и *Malegender*.

Гендер содержит в себе анализ категорий «мужчина» и «женщина» в системе разных социокультурных кодов, их контроль и порядок, согласование и изменение, а также подразумевает исследование понятий феминности и маскулинности как совокупности признаков и привычек, которые люди наследуют и используют для понимания своей идентичности, внешности и поведения и, особенно, своих телесных «сексуальных и репродуктивных способностей» [1, с. 19]. Отсюда можем сказать, что категории «мужчина» и «женщина» – это категории пола, а «маскулинность» и «феминность» отнесем к категории гендера.

Благодаря своему социокультурно-семантическому содержанию, категория гендера способна представить достаточную информацию, которая и выражается в языке определенными языковыми средствами: олицетворением, лексическими значениями, словообразованием и т. д. Поэтому мы и имеем в английском языке определенное несоответствие в отношении категории рода. Например, маркированная лексическая пара *tiger – tigress* (где префикс *-ess* определяет принадлежность к женскому полу) или *butcher* (профессия, свойственная мужскому полу). Эти два примера относятся к грамматической стороне языка и являются в определенной степени статическими знаниями. А вот, например, олицетворение существительного *sun* с приписыванием его референту свойств и характеристик с доминантной мужской семьей, является примером процесса, который взаимодействует с понятийно-семантической стороной языка, но он представлен вербально с помощью определенных языковых знаков. Существительные *ship, boat, steamer*, а также названия стран обычно заменяются местоимениями женского пола *she (her)*, что является социокультурным способом выражения рода.

Конечно, современное общество провозглашает равенство всех людей вне зависимости от пола, признает гендерное разнообразие и стремится избавиться от дискриминации по гендеру, но язык, как устойчивая и консервативная система, не успевает за изменениями. Во многих языках до сих пор заметны явления, отражающие превосходство мужского пола. Например, в русском языке названия многих профессий относятся к мужскому роду, а в английском к незнакомому человеку, пол которого неизвестен, обращаются по умолчанию *he*.

Существование стереотипов в языке и речи неоспоримо. Проявление стереотипов в процессе общения является одним из их важнейших свойств, что отмечают многие современные исследователи. Стереотипные высказывания обладают определённой внутренней структурой и целым набором присущих им свойств и характеристик. Особое место среди стереотипных высказываний занимают гендерные стереотипы, маркированные, как правило, на основе социокультурных различий между мужчинами и женщинами. В настоящее время большую значимость приобретает исследование того, как гендерные стереотипы влияют на язык и речевое общение.

В качестве фактов, подтверждающих отражение языком социального доминирования мужчин над женщинами, можно привести следующие лингвистические явления, которые отчасти являются гендерными стереотипами.

1. Дети в большинстве случаев наследуют фамилию отца, а не матери, а из поколения в поколение больше передаётся именно мужских, а не женских имён.

2. В пользу выдвигаемых положений также свидетельствуют названия или титулы, применяемые по отношению к женщинам. Слова *dame*, *madam*, *mistress* наряду со своим непосредственным значением приобрели и уничижительный смысл: *dame* – ироничное название пожилых женщин; *madam* – наряду с прямым значением «госпожа», употребляемым обыкновенно как обращение, имеет и такое значение, как «хозяйка борделя»; *mistress* – наряду с основным значением «хозяйка» имеет также и переносное значение «любовница». В то же время такие обозначающие мужские титулы существительные, как *king*, *lord*, *master*, *prince* вовсе не имеют переносных значений, характеризующихся отрицательной коннотацией.

3. Б. Торн и Н. Хенли приводят данные, полученные при работе со словарями, которые свидетельствуют о том, что существительные мужского рода с положительным значением встречаются в шесть раз чаще существительных женского рода. Тем не менее, количество слов женского рода с отрицательной коннотацией превосходит количество слов мужского рода почти на 20%, несмотря на общее преобладание в языке слов мужского рода [3, с. 10].

К примеру, было зарегистрировано 220 слов женского рода с ярко выраженной сексуальной коннотацией в то время, как слов мужского рода было зарегистрировано всего лишь 22. Исследования, проведённые Б. Торном и Н. Хенли, подтверждают, что ассоциируемые с мужчинами слова чаще имеют позитивную коннотацию: они выражают значение власти, престижа и лидерства [3, с. 15].

4. Ещё одним свидетельством в пользу утверждения о первоочерёдности мужчин в лингвистической действительности является распространённый способ производства женских имён от мужских

(а не наоборот) при помощи добавления уменьшительного суффикса (-ette): *Antoinette, Colette, Georgette, Henrietta, Lauretta, Odette, Paulette* и др.

5. Неравенство статусов референтов мужского и женского пола можно усмотреть и при сравнении ряда антропонимов, имеющих, на первый взгляд, сходное значение. Для сравнения можно предложить пары *master – mistress, bachelor – spinster / oldmaid*: *master* подчёркивает высокий уровень профессионализма в какой-то области, в то время как *mistress* указывает на роль сексуального партнёра; *bachelor* создаёт привлекательный образ мужчины, не желающего связывать себя узами брака, тогда как *spinster* или *oldmaid* указывают на роль неудачницы, не сумевшей найти себе мужа – современные словари предлагают взамен *bachelorgirl* или *bachelorette*, лишённые негативных коннотаций. Также можно сравнить безобидность существительного *warlock* с негативным значением *witch*.

Проанализировав несколько словарей, мы увидели, что существительные, которые обозначают профессии, в большей мере относят к мужскому роду, их число в разы превышает количество существительных женского рода. При этом имена существительные, относящиеся к женскому роду, оформляются полоопределяющими суффиксами и основами, а существительные мужского пола – нейтральными единицами: *ladydriver – drive; femaledoctor – doctor; lady-lawyer – lawyer; huntress – hunter; poetess – poet*.

Большое количество женщин выступают против указания гендера при обозначении профессии. На их взгляд, с употреблением подобных терминов очень часто ассоциируется некоторая степень иронии, например, *womandriver* может нести в себе отрицательное значение и употребляется в качестве оскорбительного эпитета, а *ladywriter* подразумевает недостаток серьёзности, который ставит женщину как бы обособлено от настоящих писателей.

Итак, анализ специфики категории гендера показывает, что она шире категории рода с точки зрения ее социокультурно-семантического содержания, поэтому смело можем сказать, что гендер выступает социально-семантическим базисом категории рода в современном английском языке. Исследуемая категория включает в себя как биологические признаки пола, так и коррелирующее с полом социокультурное понятийное содержание, которое заключается в языке.

Исследование гендерного аспекта и проблемы выражения категории рода в современном английском языке показало, что английский язык действительно до определенной степени отражает факт социального доминирования мужчин. В некотором смысле это язык, с помощью которого утверждаются и поддерживаются их стремления и достижения. Дальнейшие перспективы исследования данного вопроса мы видим в более детальном изучении гендера и гендерных социальных стереотипов на примере англоязычных текстов.

Список литературы

1. **Гендерные вопросы** [Текст] : пособие по вопросам гендерного насилия, затрагивающего молодежь / гл. ред. Г. Титли. – Будапешт : Совет Европы, 2007. – 191 с.
2. **Кирилина, А. В.** Гендерные компоненты этнических представлений (по результатам пилотного исследования) / А. В. Кирилина // Гендерный фактор в языке и коммуникации : сб. науч. тр. МГЛУ. – 1999. – Вып. 446. – С. 9–30.
3. **Thorn, B.** Language and Sex: Difference and Dominance / B. Thorn, N. Henley. – London : Rowley (Mass.), 1975. – 223 p.

Chumak-Zhun T. V.

Features of the Category of Gender in the English as a Socio-Semantic Basis of the Category of Grammar Gender

This article discusses the concept «gender» and the gender features of the category of grammar gender in English. It is presented the examples of the reflection of gender social stereotypes in the language.

Key words: *category, gender, research, language, stereotype.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

УДК 821.111(73)-31.09+929 Бром Д.

Бондаренко Кристина Александровна,
ст. преподаватель кафедры английской и
восточной филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
krissta26@mail.ru

Геометрия художественного пространства в романе Джералда Брома «Косиног. История о колдовстве»

В статье рассматривается понятие геометрии художественного пространства в романе Джералда Брома; его сюжетные кривые в рамках фабулярной и сюжетно-событийной реальностей, а также их реализация в поведении художественных героев.

Ключевые слова: геометрия художественного пространства, хронотоп, Джералд Бром, архетип.

Первоосновой художественного сознания считается одинаковый для любого общества опыт духовно-практического освоения мира, которое является определением сущности характеристики бытия как изначально заданной.

Целью данной статьи является определение архитектуры и геометрических сюжетных кривых художественного пространства романа американского писателя Дж. Брома «Косиног. История о колдовстве».

Для реализации личностного или авторского понимания создаётся художественный текст (как и произведение любого другого вида искусства) – вторая реальность, которая отправляет нас к автору данной теории, Платону. Древний философ исходил из того, что «сущность реального мира находится вне этого мира, в мире идей («эйдос – εἶδος вид, облик, образ») [4, с. 71]. Мир идеального (мир идей) олицетворяет своё отражение в действительности, но уже в искажённом виде. Искусство же, в свою очередь, отражает уже отражённое, то есть, дублирует его уже отклонившееся от истины в чистом виде, порождаемой божеством. Именно поэтому категория пространства художественного произведения и язык пространственных представлений являются структурообразующими элементами культуры любого этноса.

Французский поэт П. Элюар отмечает, что художественной реальностью можно назвать определенный набор систематизированных художественных образов, которые олицетворяют художественную концепцию

мира и личности, подчиняются этой концепции и пластически воплощают ее. Художественное пространство чувственно достоверно и материально насыщено. Конкретная чувственность пластических образов создает художественный мир, обладающий такими качествами, как: «непосредственность, незаданность, случайность, иначе говоря, отражает реальный жизненный хронотоп, обладающий статусом факта жизни» [5, с. 324].

С другой стороны, отечественный филолог В. Федоров представляет художественное произведение, в первую очередь, через поэтическую призму, поэтому он выделяет два составляющих или два «разнородных» элемента художественного пространства, а именно: действительность фабульная и действительность сюжетная. «Фабула рассматривается как «рассказываемое событие», сюжет – как «событие рассказывания» [3, с. 56].

Таким образом, в произведении Дж. Брома «Косиног. История колдовства», согласно теории В. Федорова, можно рассмотреть две прямых – фабульную (рассказ о печальной судьбе молодой девушки Абите, которая столкнулась с человеческой жестокостью и жадностью – брат мужа хочет отобрать землю и дом, где живет главная героиня, односельчане помогают ему в этом) и сюжетную (взаимодействие веры в Бога и веры в мистические силы, колдовство; в Абите реализуются две сюжетные линии главной героини с мистической составляющей – Косиног и религиозной в лице преподобного Картера, который, несмотря на религиозную помешанность, искренне помогает девушке) [1, с. 407].

С другой стороны, рассматривать ту или иную реальность лишь с точки зрения искусства будет весьма однобоко, ведь, если рассматривать рисунок фабулы с точки зрения сюжетных кривых, то геометрическое пространство – лишь одна из ипостасей разветвленных пространственных отношений художественного пространства.

Определение о временной цикличности восходит еще к античным временам. Данное явление воспринималось как ряд последовательных, однотипных событий, источником которых являлись сезонные циклы. Завершенность и повторяемость событий считались характерными признаками, как и неразличение начала и конца, идея возвращения. После утверждения христианства время стало восприниматься как прямая линия от прошлого к будущему. Такой тип времени характеризуется непрерывностью, одномерностью, упорядоченностью, необратимостью, а движения рассматриваются в последовательности и длительности состояний и процессов окружающей действительности.

Однако литературный хронотоп более подвержен различным «геометрическим» искривлениям, и эта особенность не может быть заключена в однолинейную аксиологическую схему. Таким образом, геометрия художественного пространства может реализовывать себя по-разному. Например, словесная художественная система образов

возникает уже на композиционной основе языка. Художественное слово материально, оно обладает пространственной протяженностью, имеет графическую и звуковую оформленность [3, с. 23].

Так в романе американского писателя-фантаста Дж. Брома «Косиног. История о колдовстве» можно проследить определенное геометрическое движение линий, которые образует временной рисунок повествования. Роман для читателя ведется от двух лиц: главной героини Абиты и мифического существа Косинога. Несмотря на очевидность временных рамок (действие романа происходит в настоящий момент повествования), из-за болезни разума Косиног не осознает временных рамок, поэтому сопровождает свои размышления и действия огромным количеством флэш-бэков, а читатель, прыгая по временным фрагментам, начинает терять осознание четких рамок хронотопа данного романа из-за его временных кривых.

Также стоит уделить внимание еще одной характерной для данного писателя особенности: раскрывая рисунок-замысел романа, автор использует графические иллюстрации, которые призваны продемонстрировать строение отдельных линий в конкретном художественном пространстве, отобразив того или иного персонажа. Удивительно, но в романе нет ни одного лишнего героя, даже второстепенные, на первый взгляд, личности являются частью сложного узора истории. Например, прислужники – Лес, Небо и Ручей, которые, казалось бы, всего лишь слуги, преклоняющие колени перед великим божеством, Косиногом, на самом деле пытаются управлять им как марионеткой, науськивая его на становление пути чудовища и мщеника. С другой стороны, мы можем увидеть почти аналогичную кривую во временном пространстве Абиты, когда ее ложно обвинили в колдовстве из-за сплетен и грязных слухов, которые пускали ее же односельчане, и которым она помогала, тем самым толкая ее, так же, как и Косинога, на путь мщеника.

Иллюстрации автора позволяют говорить об особой геометрии романа Дж. Брома, выстроенного не в рамках философско-просветительского здравого смысла, но чувственно-ассоциативного восприятия жизни, разрушающего линейную повествовательно-композиционную структуру. Рассматривая художественное пространство под углом геометрической дисциплины, пожалуй, стоит не упускать и гендерное восприятие, ведь во многих мифологических реалиях присутствуют образы левого и правого или же женского и мужского начал. Архетип «инь и янь» в произведении писателя также добавляет свои линии к геометрии хронотопа романа. Так, Абита реализует женское начало во всех своих проявлениях: *«Добродетельна, послушного нрава юная девица, лицом миловидна, телом пышна, хорошего воспитания, из набожной и благонравной семьи...»* [1, с. 14]. Также во внешности героини явно

прослеживается аллюзия на образ первой женщины – Евы. Кроме этого Абита представляет собой стереотип ведуньи или ведьмы (у нее рыжие волосы, она молодо и хорошо выглядит, несмотря на жизненные тяготы и лишения, а также она, как и любая ведьма, пытается смутить и развратить человеческого мужа, когда она предстает перед Эдвардом нагой, что является одним из запретов для их поселения).

Другой геометрической линией повествования является место действия, а именно деревня или поселение, подобное колониям амишей или аскетов. Конкретное художественное пространство становится локальным и оно не только привязывает описанный мир к каким-либо топографическим реалиям, но и оказывает влияние на суть изображаемого. Так, из-за особенностей воспитания и окружающей среды, односельчане Абиты подвержены религиозному внушению и становятся слишком мнительны, из-за чего Абиту подвергают линчеванию.

Рассматривая топографические кривые в художественном пространстве вышеназванного романа, стоит отметить и другую линию – церковь. Архитектура церкви имеет свою геометрию. Она предполагает не только внешнюю линию форм, но и внутреннее духовное пространство. К тому же, как указывалось ранее, именно география сюжета оказывает огромное влияние на сам сюжет и реальность произведения, поэтому религия прописана красной нитью через весь роман и является движущей силой сюжета, с другой стороны, можно четко проследить, насколько вера тонка под гнетом окружающих героя событий и испытаний, которые он переживает.

Церковь – одна из ключевых локаций, так как многие важные сюжетные повороты происходят именно в церкви поселения, где проживает Абита: *1) сцена с линчеванием Абиты; 2) Абита впервые дает отпор Уоллису, брату мужа, хотя перечить мужчине нельзя; 3) сцена, где Абита ярко демонстрирует, насколько религиозная стезя для нее непонятна и в первую очередь ненастоящая, лицемерная* (в художественной реальности проявляется другое пространство, которое всего лишь располагает двумерными категориями, оставаясь ненатуральным и тем самым подчеркивая реальность основной сюжетной линии); *4) когда Абита приходит мстить своим обидчикам, сцена, демонстрирующая настоящий диссонанс и противостояние веры в божественное – религии и веры в волшебство – магии.*

Анализируя произведение американского романиста, можно с уверенностью сказать, насколько архитектура и геометрия сюжета тесно переплетены и ярко отображают диссонирующие идеи писателя, в то же время подчеркивают и раскрывают фабульную и сюжетно-событийные реальности, воплощаясь в художественном пространстве произведения. Художественное пространство и временная категория реализуют хронотоп определенного литературного произведения,

поэтому, рассматривая роман «Косиног. История о колдовстве», стоит отметить необычные сюжетные кривые, которые представляют сложный и замысловатый геометрический рисунок художественной реальности романа. Подобное наблюдается и в других работах Дж. Брома, что, на наш взгляд, связано со специфической направленностью (автор пишет в жанре темного фэнтези) и непростыми героями (это всегда обездоленные или герои со сложной судьбой), что позволяет автору отказаться от плоскостной геометрии и создать по-настоящему живой рисунок произведения – это и оставляет почву для дальнейшего анализа и исследования произведений данного писателя.

Список литературы

1. **Бром, Дж.** Косиног. История о колдовстве / Дж. Бром. – М. : АСТ, 2021. – 480 с.
2. **Федоров, Ф. П.** Романтический художественный мир: пространство и время / Ф. П. Федоров. – Рига : Зинатне, 1988. – 234 с.
3. **Федоров, В. В.** О природе поэтической реальности / В. В. Федоров. – М. : Сов. писатель, 1984. – 184 с.
4. **Эберт, Т.** Сократ как пифагореец и анамнезис в диалоге Платона «Федон» / Т. Элберт; пер. с нем. А. А. Россиуса. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. – 158 с.
5. **Юсупова, Ф. М.** Литературный анализ художественного произведения как один из способов развития мыслительной способности студентов / Ф. М. Юсупова // Молодой ученый. – 2015. – № 15. – С. 692–694.
6. **Brom, J.** Slewfoot: A Tale of Bewitchery / J. Brom. – UK. : Harper Voyager, 2016. – 431 p.

Bondarenko K. A.

Geometry of Artist Space in Gerald Brom's novel «Slewfoot: A Tale of Bewitchery»

The article deals with the concept of the geometry of artistic space in a novel by Gerald Brom; its plot curves within the framework of plot and plot-event reality, as well as their causes in the relationship of fictional characters.

Key words: *geometry of artistic space, chronotope, Gerald Brom, archetype.*

УДК 821.581-3.09 : 94(520 : 510) “1937/1945”

Дворцова Александра Николаевна,
ст. преподаватель кафедры английской
и восточной филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»,
sdvorcova@gmail.com

Осмысление Японо-китайской войны и ее последствий в произведениях Янь Гэлин

В статье на материале повести «Тринадцать барышень Нанкина» и романа «Маленький журавль из мертвой деревни» описаны особенности изображения Японо-китайской войны и её последствий в произведениях Янь Гэлин. Также проанализированы изменения в подходе автора к изображению персонажей-японцев.

Ключевые слова: современная китайская литература, Янь Гэлин, Японо-китайская война, китайская литература о войне, отношения Китая и Японии.

Отношения Китая и Японии в ретроспективном анализе характеризуются как активным культурным взаимодействием, так и не менее активно вспыхивавшими военными конфликтами. Одним из наиболее тяжелых событий, имевших мировой резонанс в XX веке, для китайцев стала Японо-китайская война 1937–1945 годов (в некоторых источниках встречаются такие название данного периода, как «Вторая китайско-японская война», «Восьмилетняя война сопротивления Японии»), в результате которой Китайская Республика потеряла несколько десятков миллионов граждан (по разным оценкам потери Китая составили от 19 до 35 миллионов человек) [3; 4]. Преступления японских военных, совершенные в ходе данной войны, а также сосуществование китайцев и японцев после завершения военных действий вот уже более 80 лет рефлексировались писателями разных поколений в китайской литературе, что доказывает актуальность исследования литературных текстов этой тематики.

Целью написания данной статьи является анализ особенностей осмысления событий Японо-китайской войны и её последствий в произведениях современной китайской писательницы Янь Гэлин (严歌苓).

Творчество Янь Гэлин (1958 г.р.), переехавшей в США, а затем – в Германию и ставшей автором многих сценариев фильмов китайских и американских режиссеров, чаще относят к так называемой «заморской литературе» (海外文学) [1, с. 337], при этом она официально является членом Союза писателей КНР. В годы службы в составе НОАК в Тибете во время Культурной революции и позже, в ходе Китайско-вьетнамской

войны (февраль-март 1979 г.), она пробовала себя в качестве журналиста, однако всерьез стала заниматься писательской деятельностью уже после эмиграции, отучившись в Колумбийском колледже (Чикаго). Опыт эмиграции, участия в военных конфликтах и культурной революции несомненно повлиял на тематику произведений писательницы, на особенность создания образов персонажей.

Одним из первых, вышедших под её авторством, произведений стала опубликованная в 2006 г. повесть «Тринадцать барышень Нанкина» (《金陵十三钗》), которая позже легла в основу известного фильма Чжан Имоу «Цветы войны» (2011) и была несколько переработана Янь Гэлин в плане сюжета [2, с. 63]. Произведение посвящено «Нанкинской резне», необыкновенно жестокому уничтожению мирного населения (стариков, детей и женщин) силами японской армии, длившемуся в течение шести недель после того, как 13 декабря 1937 г. Нанкин был взят.

В центре повествования тетя писательницы, Шуцзюань, в период описываемых событий бывшая девочкой-подростком, обучавшейся в миссионерской школе при католическом монастыре, со слов которой эта история была записана. Повесть охватывает небольшой временной отрезок начала Японо-китайской войны и показывает японских солдат как безжалостных убийц, которые не считают жизни местного населения сколь-нибудь ценными, чтобы щадить хоть кого-то. Проститутки, необычайно красивые девушки, к количеству которых отсылает нас название повести, пробирающиеся на территорию монастыря в надежде на то, что им удастся спастись и эвакуироваться вместе со священником и воспитанницами школы, скоро осознают: японцы не намерены никого миловать, а потому девочки-школьницы, получившие приглашение выступить с пением на празднике, непременно будут убиты.

Встающая перед молодыми женщинами, привыкшими, прежде всего, думать о собственной выгоде, дилемма требует решить – спасти им себя или способствовать спасению девочек. Выбирают они второе, и выбор этот не героизируется и не романтизируется автором, намеренно просто описываясь в финальной сцене, где, переодетые школьницами и вооруженные лишь спрятанными в одежду ножами, проститутки идут парами к машине, присланной японцами, давая самим девочкам, среди которых и тетушка писательницы, шанс спастись.

В данной повести, охватывающей небольшой по времени фрагмент Японо-китайской войны в самом ее начале, мы видим японцев жестокими врагами, а китайцев – невинными жертвами японской агрессии, которые могут выжить лишь чудом. Здесь Янь Гэлин поднимает тему осмысления ужаса военных преступлений и исследует изменения в человеке, которые порождает опыт участия в военных действиях.

Любопытно, что спустя всего пару лет после её публикации, в 2008 году, Янь Гэлин написала роман «Тетушка Тацуру» (《小姨多鹤》),

вышедший на русском языке в переводе А. Перловой под названием «Маленький журавль из мертвой деревни», в котором хронотоп, проблематика и роли японцев и китайцев меняются с точностью до наоборот: с проблемы выживания в войне она переключается на вопросы жизни после её окончания.

Начинается повествование с последних дней войны (осень 1945 г.) на севере Китая: в прологе мы видим эвакуацию японской армии и многочисленные самоубийства японцев, приехавших на китайские земли в качестве колонизаторов, которые боятся жестокой смерти от самосуда местных жителей, еще недавно угнетаемых японцами, и военных китайской армии. Главная героиня, японка Тацуру, становится свидетельницей этих перемен: «...китайцы прятались, едва завидев японца, а кто не спрятался, тот, согнувшись в поклоне, отходил прочь с дороги. Но теперь все переменялось: в деревне Сиронами стоял крик: “Китайцы!” – и был он так же пронзителен, как крик: “Японцы!”, еще недавно разносившийся по всей стране» [3, с. 6].

Не желая умирать, Тацуру уговаривает жителей родной деревни бежать, так начинается долгий путь японских переселенцев (стариков, детей и женщин) в попытках укрыться от наступающей армии, в ходе которого спутники девушки умирают от тягот пути и болезней. Чудом выжившая шестнадцатилетняя Тацуру, будучи проданной за семь даянов, в ноябре 1945 г. попадает в семью начальника Чжана, заведовавшего в поселке Аньпин железной дорогой. Чета Чжанов покупает японку для сына Эрхая в качестве наложницы, ввиду того, что его жена, Сяохуань, из-за несчастного случая, связанного с японскими солдатами, не может больше иметь детей. Изначальный план избавиться от Тацуру сразу после того, как она родит сыну наследника, перерастает в итоге в историю о более чем 20 годах совместной жизни весьма странного союза из одного мужа и двух жен, одна из которых и вовсе вчерашний враг, сохраняющегося на фоне исторических перипетий второй половины XX века в КНР.

Этот роман ставит проблему того, кто должен нести ответственность за военные преступления, и как не позволить пережитому военному опыту расчеловечивать людей по национальному признаку, расчеловечиваться самим. В послевоенном Китае противопоставление японцев и китайцев сильно обостряется: первые – всегда враги, вторые – всегда правы по праву победителей.

Даже получив китайское имя вместо японского (семья переименовывает девушку в Дохэ), проведя большую часть жизни вне родной страны, Тацуру все равно остается непохожей, выделяясь среди китайцев своим видом, привычками, говором. При этом она превращается в неотъемлемую часть семьи Эрхая и Сяохуань, каждый из которых проходит с ней свой путь от ненависти до любви и принятия.

Важной вехой на этом пути становится рождение японкой от Эрхя детей, матерью которых в глазах общественности становится Сяохуань: дочери – Чуньмэй, а позже – близнецов Чжан Те и Чжан Ган. Тацуру воспитывает их как тетья, исподволь обучая японскому языку и приучая к японской кухне, что порой причиняет детям проблемы: в новом коммунистическом обществе никто не любит непохожих на других, да и охота на японских шпионов так и не утихает со времени окончания войны.

Напримере Чжан Те, который, узнав, что Тацурунасамомделеяпонка, а он – ее сын, начинает винить ее во всех проблемах, с которыми сталкивается из-за своей нетипичной для китайца внешности, можно увидеть, что даже кровное родство не может решить противоречий между японцами и китайцами, впитанных с партийными установками и лозунгами, что они требуют отдельной рефлексии.

Большая часть героев романа, сталкиваясь с фактом того, что Тацуру – японка, считает, что проще и безопаснее поступать так, как делают все, чем осмысливать существующие проблемы критически и иметь собственную позицию. В период начала налаживания отношений с Японией в семидесятые годы, Тацуру получает письмо из Японии с приглашением вернуться на родину, которое ей, врагу народа, доставляет лично в руки работник комиссариата, чем ломает уклад взаимодействия местных властей с японкой: «...новость, которую принес товарищ из комиссариата, ставила их в затруднительное положение. Сначала Чжунэй Дохэ была врагом. Сейчас ее политический облик неясен, и кто теперь будет мыть им туалет?», [3, с. 451]. Ставший свидетелем данного визита Чжан Те также оказывается выбитым из колеи: «... за эти годы он привык делить мир на черное и белое, а товарищ из комиссариата явно не относил Дохэ ни к белому, ни к черному, и как же теперь следует держать себя с тетей?» [3, с. 451].

В лице Тацуру каждый персонаж романа, который достаточно долго с ней взаимодействует, вынужден делать выбор: считать ее виновницей всех бед, просто потому что она не китайка, или увидеть в ней человека, равного себе, а то и более достойного. Только Сяохуань всю жизнь открыто поддерживает её, несмотря на соперничество за любовь Эрхя и ревность к привязанности детей. Несмотря на личные счеты к японским оккупантам, первая жена Эрхя довольно быстро понимает, что невозможно винить Тацуру в чем бы то ни было просто по факту ее происхождения, незаметно даже для себя самой становясь для наложницы мужа лучшим другом и опорой.

Роман также поднимает вопрос послевоенной репатриации японского населения, говоря о сложности идентификации себя для японцев, оказавшихся за пределами родины. Возвращение на Родину, мысль о которой не раз ее поддерживала в тяжелые времена, в чем-то оказывается для Тацуру испытанием не меньшим, чем жизнь

в Китае: «... люди, вернувшиеся из Китая, оказались в Японии самыми бедными и презираемыми»[3, с. 475]. Так же, как в свое время детей самой Тацуру называли японскими ублюдками, детей вернувшихся на родину японцев одноклассники обзывают китаезами, вновь делая париями тех, кто не похож на местных.

Тацуру работает уборщицей, стараясь откладывать деньги из небольшого жалования, чтобы помочь Эрхаю с лечением миеломы и облегчить его последние дни. Она помогает детям с визами, когда Чуньмэй и Чжан Те, чувствуя себя чужими среди соотечественников, решают воспользоваться тем, что они по матери японцы и покинуть КНР в поисках лучшей жизни. А еще регулярно пишет пространные письма Сяохуань, которая так и остается ее верным и понимающим другом.

Можно сказать, что своим вторым произведением о Японо-китайской войне Янь Гэлин призывает читателя отказаться от идеи коллективной ответственности целой нации за военные преступления солдат японской армии, научиться видеть и ценить достоинства даже тех, кто еще вчера был врагом и помнить о том, что важно быть честным в суждениях, не боясь выступить в поддержку важных для тебя людей, если те невиновны, пусть даже придется идти наперекор мнению общества.

Резюмируя описанные в этой статье произведения, можно сказать, что осмысление последствий Японо-китайской войны в творчестве Янь Гэлин смещается с позиций достаточно четкого позиционирования японцев в качестве врагов, которое мы видим в повести «Тринадцать барышень Нанкина», к большей палитре персонажей, в которой уже невозможно однозначно ответить на вопрос – кто перед тобой, исходя из одной лишь национальной принадлежности, не вникая в личность персонажа. В романе «Маленький журавль из мертвой деревни» сами китайцы не всегда ведут себя, как должны бы поступать герои, что лишний раз подчеркивает необходимость отхода от однозначного восприятия японцев как антиподов и врагов. В целом, вопрос того, кто на самом деле является героями, также исподволь встает у читателей военной прозы Янь Гэлин: автор показывает, что героизм – это не врожденное качество личности, это результат выбора человека, не всегда воплощающего собой образец морали и нравственности, а также меньше всего желающего поступать героически. Таким образом, отходя от традиционной линии противопоставления китайцев и японцев как славных героев и низких врагов, произведения Янь Гэлин способствуют диалогу японской и китайской культур, а также пересмотру шаблонного восприятия противоборствующих сторон, что косвенно способствует мирному сосуществованию стран и народов. Перспективы исследований мы видим в дальнейшем изучении произведений Янь Гэлин и их анализе.

Список литературы

1. **Дворцова, А. Н.** Современная китайская литература как средство формирования социокультурной компетенции будущих учителей китайского языка / А. Н. Дворцова // Восток-Запад : теоретические и прикладные аспекты преподавания европейских и восточных языков : мат. IV Межд. науч.-практ. конф. – 2021. – С. 334–339.
2. **Никольская, С. В.** «Нанкинская резня» глазами Янь Гэлин / С. В. Никольская // Перспективные научные исследования и инновационно-технологические разработки : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 27 августа 2020 г. – Белгород : Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2020. – С. 63–65.
3. **Янь, Г.** Маленький журавль из мертвой деревни : роман / Гэлин Янь; [пер. с кит. А. Перловой]. – СПб. : Аркадия, 2018. – 480 с.
4. **Rummel, J. R.** China's bloody century: genocide and mass murder since 1900 / R. J. Rummel. – New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1991. – 333 p.
5. **Wu, Ch.** Remember role in ending fascist war [Электронный ресурс] / Chunqiu Wu // Chinadaily. – Режим доступа: http://www.chinadaily.com.cn/english/doc/2005-08/15/content_468908.htm, свободный. Дата обращения: 20.01.2023 г.

Dvortsova A. N.

The Reflection of the Second Sino-Japanese War and its Consequences in Yan Gelin's Works

The article, based on the story «The Flowers of War» and the novel «Little Aunt Crane», describes the peculiarities of the depiction of the Second Sino-Japanese War and its consequences in Yan Gelin's works. The changes in the author's approach to depicting Japanese characters are also analyzed.

Key words: modern Chinese literature, Yan Geling, Second Sino-Japanese War, Chinese literature about war, relations between China and Japan.

УДК 821.581.091-029:7

Коробко Кристина Вячеславовна,
преподаватель кафедры английской
и восточной филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
kristina.korobko@gmail.com

Связь мифа и действительной реальности в литературной традиции китайского магического реализма

В данной статье раскрывается сущность понятия «магический реализм». Анализируется взаимосвязь мифа, культурно-литературных традиций и реалий современной действительности в методе магического реализма.

Ключевые слова: *магический реализм, миф, художественный метод, литература «поиска корней», символизм.*

Современное литературоведение склонно определять магический реализм как метод, «особый тип художественного мышления, свойственный разнородным явлениям в литературе XX в., при котором писатель отрицает плодотворность рационалистического мышления в стремлении выразить и художественно осмыслить мифически-магическую модель мировидения и для которого характерно органичное использование элементов фантастики наряду с обязательным наличием черт легко опознаваемой исторической реальности» [2, с. 255]. Таким образом, магический реализм понимается многими исследователями как экспрессионизм, свободно выражающий объективными средствами субъективные чувства человека или группы людей.

Цель статьи – проследить связь мифа и действительной реальности в литературной традиции китайского магического реализма.

Важнейшей составляющей магического реализма являются мифопоэтические формы выражения. Стремление «вернуться к корням» посредством космогонических, антропогонических, эсхатологических знаний дает возможность на переосмысление национального культурного наследия, инвертирование и заигрывание с традиционными для ушедших эпох мотивами и паттернами. В результате символизм, который часто встречается в литературных образцах магического реализма, становится инструментом косвенной критики политической, экономической и социальной систем современной автору реальности. Поэтика мифологизирования не только фактически организует нарратив, но и является средством метафорического описания ситу-

ации в современном обществе с помощью параллелей из традиционных мифов, которые порождены иной стадией исторического развития.

Подобный мифотворческий процесс в литературе находит свое подтверждение в работе Е. Я. Режабека «Мифомышление (когнитивный анализ)» (2003): «Мифическая реальность начинается там, где индивид не контролирует собственные действия, а приписывает реальности свои субъективные ощущения, даже не подозревая об этом» [5, с. 217]. Следовательно, человек экстраполирует собственную материальную и духовную сущность на внешний мир, отождествляя себя с окружающей реальностью. А. В. Ставицкий пишет: «Вне мифа человеку находиться нельзя, как нельзя находиться в космосе без скафандра, ибо быть вне мифа, значит быть вне культуры, вне строящегося на своей мифологии социума, быть вне смыслового поля значения» [6, с. 107].

Исходя из подобных суждений, многие литературоведы и исследователи обнаруживают, что зачастую магический реализм как метод имеет своей центральной идеей то, что человек, в первую очередь, принадлежит культуре, открывая путь к пониманию сущности человека как социальной единицы. Например, литература «поиска корней» Китая конца 70-х – начала 80-х гг. XX в., наследующая традиции латиноамериканского магического реализма, переосмысливает методы реставрирования связей с традицией ушедших эпох, таким образом «восстанавливая “культуру” как категорию, не связанную с моралью и политикой» [7, с. 242]. Переосмысляя наследие «культурной революции» и, вместе с тем, проводя политику реформ и открытости, Китай неизбежно заимствовал многие западные тенденции, что привело к рефлексии национального масштаба, направленной на поиск собственной социальной истории и культурных истоков.

Основополагающей целью магического реализма в любой культуре остается стремление к отображению действительного бытия. Так, для А. Ф. Лосева, русского философа и филолога, автора многочисленных трудов по истории философии, античной мифологии, эстетике и литературе, принципиально важно, что миф – это не фантазия и не вымысел, не сказка о сотворении мира и человека, не поэтическая легенда о деяниях сверхъестественных существ, богов и героев. По А. Ф. Лосеву, миф есть «логически, т. е. прежде всего диалектически, необходимая категория сознания и бытия вообще» [1, с. 25].

Следовательно, нам открывается возможность исследовать мифотворческие процессы как абсолютно автономную символическую форму выражения, что позволяет уравнивать миф с категориями языка и культуры. В подобном ключе мифология характеризуется специфической модальностью, особым способом символической объективизации чувственных данных, эмоций. Рассматривая систему мифа, мы можем наблюдать замкнутую символическую систему, обусловленную,

с одной стороны, характером функционирования и, с другой стороны, методологией моделирования окружающего мира.

В этом контексте представляется мало убедительным то, как Эрнст Кассирер, немецкий философ, в своей монографии «Мифологическое мышление» (1925) распознает эмоционально-интуитивное начало в мифе, вместе с тем определяя миф как специфичную форму творческого упорядочения реальности. Язык, миф, религия и искусство понимаются им как форма встраивания приобретаемого человеком опыта в процесс познания. Реферируя исследовательские наработки Э. Кассирера, Е. М. Мелетинский пишет следующее: «Специфику мифологического мышления Э. Кассирер видит в неразличении реального и идеального, вещи и образа, тела и свойства, “начала” и принципа, в силу чего сходство или смежность преобразуются в причинную последовательность, а причинно-следственный процесс имеет характер материальной метаморфозы» [3, с. 53].

Китайский писатель и лауреат Нобелевской премии по литературе Мо Янь (1955), работая в рамках литературы «поиска корней», реконструирует реальность в формальной структуре мифа. В одном из интервью, приуроченном к получению Нобелевской премии за свой «галлюцинаторный реализм», Мо Янь говорит следующее: «Занятия литературой часто обременены политической проблематикой. Например, в реальной жизни есть какие-то острые или слишком чувствительные темы, которых авторы не хотят касаться. Писатели, оказывающиеся на такой развилке, могут привнести воображение в эти чувствительные моменты и таким образом отделить их от реальности. Или, наоборот, преувеличить ситуацию, довести до того, что все предельно ясно, ярко и уж точно реально» [8].

Отображая реалии своей малой Родины – деревни Гаоми на северо-востоке Китая, он создает свой собственный литературный «вакуум». Одним из самых показательных примеров магического реализма Мо Яня является роман «Красный гаолян» (1987), где пространственно-временные рамки деревушки Гаоми, бытующей в период антияпонской войны, наполняются магическими легендами, услышанными от местного населения. Возвращение главного героя в края его предков в поиске того, что он «уже не помнит» – истории жизни собственных родственников – воссоздает миф как понимание поступков человека вне современной переменчивой морали, тем самым приводя к классическому аристотелевскому катарсису.

Подводя итог всему вышеизложенному, нам кажется необходимым обратиться к «Диалектике мифа» (1930), где А. Ф. Лосев не ограничивает миф одной лишь формой схемы или аллегории, в мифе, прежде всего, обнаруживается символ. «Будучи символом, миф может содержать в себе схематические, аллегорические и усложненно-символические

слои» [1, с. 62]. В другой работе А. Ф. Лосева – «Логика символа» – мы находим очередное подкрепление данному тезису: «А ведь символ в самом широком смысле слова как раз и есть такая конструкция, которая функционирует не изолированно, не дискретно, а всегда обязательно как указатель на нечто иное, чем она сама» [1, с. 249].

«Красный гаолян» Мо Янь демонстрирует весьма изощренный символизм, обнаруживающий себя даже в самом названии романа. Красный гаолян является символом всего произведения и стержнем его мифопоэтической составляющей. Гаолян произрастает на севере Китая, в сухом, по меркам Китая, климате. Мо Янь описывает пейзажи кровавого поля гаоляна, символизирующего жажду к жизни: «Раньше я всем сердцем любил дунбэйский уезд Гаоми и точно так же всем сердцем его ненавидел, а когда вырос и стал усердно изучать марксизм, то наконец уразумел, что Гаоми, бесспорно, самое прекрасное и самое ужасное место на земле, самое возвышенное и самое приземлённое, самое непорочное и самое грязное, здесь больше всего героев и больше всего ублюдков, здесь умеют пить вино и любить. Старшее поколение тех, кто жил на этом клочке земли, употребляло гаолян в пищу, а потому каждый год его сажали в большом количестве. В восьмом лунном месяце, в разгар осени, необъятные гаоляновые поля превращались в безбрежные кровавые моря. Стена гаоляна блестела на солнце, гаолян нежно, но печально шелестел, гаолян пробуждал любовь» [4, с. 3].

Вот как Мо Янь объясняет присущий его ранним работам романтизм: «Когда я написал «Красный гаолян» (1987), мне было меньше тридцати, так что я был совсем молод. В то время моя жизнь была полна романтического переосмысления жизни предков. Я писал об их быте, но мало что о них знал по-настоящему, поэтому я вложил много воображаемого в этих персонажей. Когда я написал «Устал рождаться и умирать» (2006), мне было за сорок, так я превратился из молодого человека в мужчину средних лет. Моя жизнь разительным образом изменилась. Теперь она более актуальна, и режущая горло жестокость нашей современности ограничивает романтику, которую я когда-то испытывал» [8].

А. Ф. Лосев уверенно обозначает, что миф не есть поэтическое произведение. В поисках тонкой связи между мифом и искусством А. Ф. Лосев говорит, что миф, хотя и стоит в стороне от смысла и идеи повседневности, всегда относится к реальности как таковой. Говоря о том, что миф есть реальность, необходимо отметить, что эта реальность особого рода, но, по Лосеву, подлинно реальная, подлинно материальная и в то же время более или менее поэтическая и эмоционально воспринимаемая реальность. Миф и поэзия (искусство) связаны, но не тождественны, они самостоятельны и самодостаточны. Лосев понимает поэзию как «чистое наслаждение», возбуждающее чувства не к вещам как таковым, а к их определенному смыслу и форме.

«Поэтическая действительность есть созерцаемая действительность, мифическая же действительность есть реальная, вещественная и телесная, даже чувственная, несмотря ни на какие ее особенности и даже отрешенные качества» [1, с. 65]. Люди живут мифом, как и своей жизнью, но лишь созерцают произведение искусства, где «мифическая отрешенность» понимается как отрешенность, в первую очередь, от смысла, от идеи повседневной жизни, в то же время, отрешенность поэтическая лишает нас фактического уровня познания.

А. Ф. Лосев заключает: «Миф есть диалектически необходимая категория сознания и бытия, которая дана как вещественно-жизненная реальность субъект-объектного, структурно выполненного взаимообщения, где отрешенная от изолированно-абстрактной вещности жизнь символически претворена в дорефлективно-инстинктивный, интуитивно понимаемый умно-энергичный лик. Еще короче: миф есть интеллигентно данный символ жизни, необходимость которого диалектически очевидна» [1].

Перспективы исследований мы видим в дальнейшем изучении мифа и действительной реальности в литературной традиции китайского магического реализма.

Список литературы

1. **Лосев, А. Ф.** Философия. Мифология. Культура / А. Ф. Лосев. – М. : Политиздат, 1991. – 525 с.
2. **Маслова, Е. Г.** Магический реализм как парадигма культурно-художественного сознания современного общества / Е. Г. Маслова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2002. – № 10. – С. 254–269.
3. **Мелетинский, Е. М.** Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – СПб. : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2021. – 480 с.
4. **Мо, Янь.** Красный гаолян / Мо Янь ; пер. с кит. Н. Власова. – М. : Текст, 2018. – 480 с.
5. **Режабек, Е. Я.** Мифомышление (когнитивный анализ) / Е. Я. Режабек. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.
6. **Ставицкий, А. В.** Поэтика истины мифа в контексте неклассической мифологии // Миф в истории, политике, культуре : сб. тр. V Межд. науч. междисциплинар. конф. (июнь 2021 года, г. Севастополь) / под ред. А. В. Ставицкого. – Севастополь : Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Севастополе, 2021. – С. 104–107.
7. **Vance Yeh, C.** Root Literature of the 1980s: May Fourth as a Double Burden / C. Vance Yeh. – Cambridge (Massachusetts) : The Appropriation of Cultural Capital: China's May Fourth Project, 2001. – 374 p.
8. **GRANTA Mo Yan | Interview** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://granta.com/granta-audio-mo-yan/>. – Загл. с экрана. Дата обращения: 02.11.2022 г.

Korobko K. V.

**The Relations between Myth and Reality in the Literary Tradition
of Chinese Magical Realism**

This article reveals the essence of the concept of «magical realism». The relations between myth, cultural and literary traditions and modern reality are analyzed in the light of magical realism as a literary method.

Key words: *magical realism, myth, artistic method, root-seeking literature, symbolism.*

УДК 27-23:821.411.21 (5-15) “652”

Ухов Александр Сергеевич,
канд. филос. наук, доцент кафедры
социально-гуманитарных дисциплин и
методик их преподавания
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»,
Старобельский факультет
meon@yandex.ru

Библейский текст и его история рецепции в контексте древней ближневосточной литературной традиции

Анализируется библейский нарратив в контексте литературной традиции Древнего Ближнего Востока. Раскрывается роль поиска общих черт между космогоническими мифами и представлениями автора книги Бытия для современных переводов (на примере Быт 1:1–2). Прослеживаются пути творческой переработки и рецепции библейскими авторами заимствованного материала из литературной традиции Древнего Ближнего Востока. На примере отдельных библейских текстов доказывается, что историческая рецепция свойственна их авторам, а библейская критика и история рецепции не только не противоречат друг другу, но и должны рассматриваться как неотъемлемые методологические принципы единого экзегетического пространства Библии; противопоставлять историю рецепции библейской критике считается методологически нецелесообразно.

Ключевые слова: автор, Библия, библейская критика, ближневосточная литература, литературная традиция, миф, нарратив, перевод, экзегеза, история рецепции.

Современная библеистика (от библейской критики до истории рецепции) стала активнее использовать наработки культурологов, лингвистов, археологов, историков для более совершенного понимания библейских смыслов и посредством их – углублять наши знания о загадочных культурах Древнего Ближнего Востока. Общим местом в науке стало понимание того, что проникновение в сущность образа мышления народов Ближнего Востока может позволить экзегету избежать ошибочных суждений. Такая герменевтическая позиция подняла процесс адекватного перевода текста Библии, который постоянно уточняется благодаря углублению наших знаний о культуре, на более высокий уровень и позволила учёным говорить о влиянии культурно-исторического контекста на процесс становления канона. Однако часто библеисты искусственно или тенденциозно разделяют текстуальную критику и то, что относится

к истории рецепции; считается, что последний подход может применяться к текстам, которые уже закрепились в библейском каноне и развивать экзегезу исключительно в позднем их историческом развитии. Но есть весьма веские причины полагать, что история рецепции может быть свойственна библейскому тексту на всех этапах его становления вплоть до канонической фиксации.

Анализ последних исследований показывает, что учёные в основном сосредоточены на проблеме происхождения библейского текста самого по себе. Обращает на себя внимание игнорирование ими интерпретационных тенденций в Библии, то есть того, что можно назвать историей рецепции доканонического нарративного развития. Современный библеист Б. Брид считает, что рецепция и развитие предшествующих традиций присутствует уже на страницах самой Библии, однако, провести грань между оригинальным библейским текстом и его рецепцией очень трудно; этот вопрос, на его взгляд, считается нерешённым [7]. Попытку решить эту проблему предпринимали многие авторы. Е. Л. Файнштейн в своих работах сравнивает библейские тексты с текстами Ближнего Востока, выявляя их историческое развитие, стилистические и структурные расхождения [8]. Профессор К. А. Роллстон свою новую статью посвятил решению проблемы авторства Торы в контексте ближневосточной литературной традиции; он считает, что Тора, как и все древние ближневосточные литературные произведения, является плодами трудов анонимных авторов [9]. Профессор М. М. Хоман исследует даже параллели между описанием библейской Скинии и ближневосточными сооружениями [10]. Профессор Дж. Дэй в своей последней статье анализирует пути проникновения месопотамских мифов о потопе в библейский текст и обнаруживает более древние заимствования, чем считалось до сих пор.

Цель статьи – на примере конкретных библейских текстов доказать, что историческая рецепция была присуща их авторам, а библейская критика и история рецепции не только не противоречат друг другу, но и должны рассматриваться как единый методологический принцип общего экзегетического процесса. Достижение цели требует решения следующих задач:

– с помощью литературных произведений Древнего Ближнего Востока обнаружить пути происхождения библейского текста (на примере Быт 1:1–2 и Втор 25:4);

– выяснить отношение заимствованного текста с его дальнейшим толкованием в рамках библейской традиции.

Библия открывается книгой Бытия, которая начинается двумя разными повествованиями о сотворении мира (Быт 1:1 и Быт 2:3, 4–25). Эти рассказы дополняют друг друга, но имеют и параллели. Второй рассказ: *Вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то*

время, когда Господь Бог создал землю и небо, и всякий полевой кустарник, которого ещё не было на земле, и всякую полевую траву, которая ещё не росла, ибо Господь Бог не посылал дождя на землю, и не было человека для возделывания земли, но пар поднимался с земли и орошал всё лице земли. И создал Господь Бог человека из праха земного... (Быт 2:4–7; здесь и далее – Синодальный перевод). Теперь обратимся к первому рассказу, который не просто дублирует второй, но и резюмирует его, повествуя о том, что мир будто бы создан из ничего: *В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет* (Быт 1:1–3).

Далее это резюме, по мнению древних и средневековых христианских и еврейских экзегетов, детализируется. Например, Августин Блаженный в своём труде «О книге Бытия буквально» указывал, что сегодня распространена мысль о том, что Бог сотворил только один день и что те шесть или семь дней можно считать повторением только одного этого дня – такое понимание стало основой греческого перевода Септуагинты, когда первый стих Пятикнижия переводится отдельной фразой, отдельным предложением, а в конце стоит точка. Однако еврейский текст предполагает и иное прочтение. Впервые это заметил еврейский комментатор Раши (вторая пол. XI – первая пол. XII вв.).

В своём «Комментарии к Пятикнижию» Раши отмечает, что для традиционной экзегезы нарратив о создании мира имеет иную синтаксическую конструкцию и предлагает понимать 1 стих Бытия не как независимое предложение, а как подчинённое времени. В таком случае начало книги Бытия, 1:1–3 – это не три независимых предложения, а одно объединённое и сложноструктурированное: *1. В начале сотворения Б-гом неба и земли, 2. Земля же была – смятение и пустыньность, и тьма над пучиною, и дуновение Б-жьё вивает над водами, – 3. И сказал Б-г: Да будет свет!* Комментарий: «В начале сотворения. Этот стих требует истолкования, как толковали его наши мудрецы: ради Торы, нареченной *תורת*, началом пути Его (Притчи 8, 22), и ради Израэля, нареченного *ישראל*, начатком плодов Его (Ирмеяһу 2, 3) (то есть, приставка *ב* может обозначать цель или причину, и стих следует понимать так: Ради Торы и Израэля, которые называются «началом», Б-г сотворил небо и землю). А если желаешь дать прямое толкование, толкуй так: в начале сотворения неба и земли, (когда) земля была в хаосе, пустынности и мраке, Б-г сказал: «Да будет свет». Стих не имеет целью указать на порядок сотворения мира, говоря, что они (небо и земля) предшествовали, ведь если бы это являлось целью, следовало бы написать: *בְּהוֹשֵׁאֲרָב* вначале, сначала сотворил Он небо и землю. Ибо (слово) *ישראל* в Писании встречается только в сочетании с последующим словом, как например: «в

начале царствования Йеоякима» (Ирмеяһу 26, 1), «начало царства его» [10, с. 10], «начаток хлеба твоего» (Речи 18, 4). Так и здесь ты говоришь: אָרַב תִּישָׂאֲרַב, как (если бы стояло) кто, в начале сотворения. И подобно этому תְּלִיחַ הַרְבֵּה עֲשׂוּהָ (hОшеа 1, 12), что означает: в начале обращения Святого, благословен Он, к hОшее, Он сказал hОшее и т. д.» [4, с. 3–5]. Хотя сам комментатор не выходит за рамки традиционной еврейской экзегезы, его нетрадиционный перевод позволяет соотнести первые строки Бытия с текстами Древнего Ближнего Востока. Космогонические тексты Шумера и Аккада часто начинаются с временного подчинённого предложения, а именно с «Когда...» или «В тот день, когда...». В инципите известной поэмы «Энума элиш» (вторая половина II тыс. до н.э.) мы читаем:

*1 Когда небо не имело названия,
И земля внизу ещё не имела имени
И древний Апсу, который породил их,
И хаос, Тиамат, мать их обоих,
5 Их воды смешались вместе,
И равнина была ещё не сформирована, болот не было видно;
Когда боги ещё не были вызваны к жизни,
Ничто не имело названия, судьбой не засвидетельствовано,
Тогда в недрах зародились боги... [6]*

Таким образом, в инципите «Энума элиш» мы видим поморфемное соответствие с Быт 1:1.

Как правило, древние ближневосточные космогонии начинаются описанием беспорядка или хаоса, которые предваряют возникновение мира – это также соответствует первым строкам книги Бытия и свидетельствует в пользу того, что именно такая интерпретация соответствует древнейшему пониманию Быт 1:1 самим автором этих строк. Корни данного нарратива – ближневосточные; изначальное понимание первых строк Бытия в таком контексте могло забыться, но в эпоху Средневековья было заново открыто Раши. Несмотря на это, многие современные переводы демонстрируют непонимание Быт 1:1 как подчинённого предложения, например, это мы видим в переводе Еврейской библии на греческий язык в III ст. до н.э. Вполне возможно, такое прочтение забыто не случайно по теологическим соображениям.

Если Быт 1:1 – подчинённое времени, то следующий стих (Быт 1:2) может описывать картину мира на момент начала творения, т. е. на тот момент, когда Бог вмешался в мир и начал творить, нечто уже существовало: земля была, а тьма окутывала воды. Неупорядоченная, хаотичная материя и первоэлементы, которые существовали на момент сотворения или перед сотворением мира – общая черта и характерная точка отсчёта для ближневосточных космогоний. В инципите «Энума элиш» мы видим, что персонифицированные воды существуют до начала мира, порождая всё остальное.

Наиболее близкая к древнеизраильской – финикийская космогония, которая дошла до нас посредством цитаты из Евсевия Кесарийского, где цитируется другой источник. Христианский апологет в «Подготовке к Евангелию» (Προπαρασκευὴ Εὐαγγελική) приводит отрывки из исторических, космогонических и мифологических трактатов для доказательства преимуществ христианской религии. Он приводит фрагмент из «Финикийской истории», автором которой тогда считался Санхунйатон; переводчиком трактата на греческий язык считается Филон Библиский.

Началом всего, [как он полагает], был Воздух, (αἴρ), мрачный и подобный ветру, или дуновение мрачного воздуха, и мутный мрачный Хаос; они были безграничны, и в продолжение многих веков не имели конца [15; с. 40, 71].

То есть, когда Бог начал создавать мир, нечто, согласно финикийской космогонии, уже существовало. В таком случае, на фоне космогонических мифов Древнего Ближнего Востока понимание Быт 1:1 как *creatio ex nihilo* (отражённое, например, в Синодальном переводе) выглядит как анахронизм. «Очень трудно представить себе, каким образом с точки зрения лексики или языковых средств иврита, можно сформулировать догмат о творении мира из ничего на еврейском языке Библии. Не случайно, что впервые догмат о творении мира из ничего звучит не в еврейской Библии, а только во 2 Макк, которая была написана на греческом языке человеком, который не просто знал греческий, но и хорошо усвоил греческую культуру, риторику, элементы греческой философской культуры – это будет играть важную роль в становлении монотеизма» [4]. Современный американский библеист Уолтер Брюггеманн также отмечает: «Знакомое утверждение первого стиха многозначно. Общепринятый перевод (который находит поддержку в Ис 46, 10 предполагает абсолютное утверждение, в котором творение представляет собой решительное Божье действие. Но стих может быть обусловлен временным фактором: «Когда Бог начал творить...» Тогда он оказывается тесно связанным с последующим. И творение понимается как непрерывное действие, которое Бог начинает и продолжает. Грамматические особенности дают возможности для обоих прочтений. Второй стих ставит под сомнение традиционное представление утверждением, что творение – это упорядочение уже существующего хаоса. Традиционно понималось, что в Быт 1 говорится о творении из ничего. Но данный стих отрицает это» [1, с. 36].

Таким образом, мы видим, что: а) автор Бытия заимствует космогоническую традицию Древнего Ближнего Востока; б) другой автор интерпретирует творение в категориях эллинской культуры, демонстрируя историю рецепции в рамках библейского текста: *Умоляю тебя, дитя моё, посмотри на небо и землю и, видя всё, что на них, познай, что всё*

сotворил Бог из ничего и что так произошёл и род человеческий (2 Макк 7:28); в) богословская интерпретация Быт 1:1 во 2 Макк порождает многозначность истории творения – это позволяет тексту существовать в новом для себя – христианском экзегетическом пространстве.

В Быт 1:2 автор продолжает двигаться в ближневосточной литературной парадигме, но в некоторых наиболее популярных переводах Библии переводчики будто бы не обращают внимания на этот факт. Сравним только некоторые.

Синодальный перевод (XIX в.): *Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою.*

Традиционный английский перевод – Библия короля Иакова (KJV) (XVII в.): *And the earth was without form, and void; and darkness was upon the face of the deep. And the Spirit of God moved upon the face of the waters* (Земля была без формы, она была пуста; и мрак был пред лицом бездны. Дух Божий (оба слова с заглавных букв – примеч. авт.) двигался пред лицом этих вод).

Данные примеры демонстрируют нам теологическую интерполяцию, понимая еврейский רוּחַ קֹדֶשׁ, руах га-кодеш) как Дух Божий.

Нечто иное мы видим в католическом переводе (XX в.) – Новая Иерусалимская Библия (NJB): *Now the earth was a formless void, there was darkness over the deep, with a divine wind sweeping over the waters...* (Genesis 1:2). Обращает на себя внимание тот факт, что здесь «Дух Божий» заменён на «ветер божий» или «дыхание божье» – оба слова начинаются с маленьких букв.

Наиболее радикальный, но, в то же время наиболее верный, с нашей точки зрения, перевод нам предлагает Новая Американская Библия (NAB): *...and the earth was without form or share, with darkness over the abyss and mighty wind sweeping over the waters...* (Genesis 1:2) Переводчики NAB превращают «Дух Божий» даже не в «божественный ветер», а в «могучий ветер», избавившись тем самым от теологической интерполяции, что позволило читать Быт 1:2 как типичный древний ближневосточный текст: «Началом всего был Воздух, мрачный и подобный ветру, или дуновение мрачного воздуха...» [2, с. 40]. Интересно, что и NJB, и NAB – католические переводы; последний даже взят за основу пересмотренного лекционария РКЦ в США (перевод был сделан поэтапно членами Католической библейской ассоциации Америки (СВА) с языков оригинала и с критическим использованием древних источников). Четвёртое издание имеет аббревиатуру NABRE – исправленное издание.

В еврейском языке иногда встречаются такие конструкции, в которых слово Элогим (Бог) не отсылает к Богу, как существу (сущности), а говорит о чём-то большом и значимом. Божьи горы – это большие горы, очень большие горы. В европейских языках для усиления

используется другое сверхъестественное существо – «дьявольский ветер» (сильный ветер), что не обязательно связывает погодный феномен с нечистой силой: «Там, где европейские народы для того, чтобы сказать о большом и сильном, отсылают к нечисти, здесь, в еврейском языке, в идиоматике может быть отсылка к Богу» [5]. Подобную отсылку, но уже к богам, мы видим в «Вавилонской теодицее», аккадской поэме XI века до н.э.: «Человек не будет счастлив, если не будет иметь на себе благого ветра богов». Это высказывание современный российский шумеролог В. В. Емельянов объясняет следующим образом: «Этот ветер сильно дует в Месопотамии летом во время жары и засухи. Он оживляет собой землю, страну, когда уже невозможно дышать. Такой ветер называли «Благим ветром богов»» [3]. Конечно, такой ветер отсылал к богам, однако не имел чёткой связи с конкретными персонифицированными силами.

Таким образом, нам удалось выявить понимание необходимости учёта культурного контекста современными переводчиками Библии при переводе древних текстов. При таком понимании для нас создаётся более чёткая картина эволюции толкований текста внутри библейского канона. В перспективе это может позволить исследователям дифференцировать текст и его историю рецепции. Как ни удивительно, но именно библейская критика может выявить историю рецепции на этапе определения происхождения библейского текста. В дальнейшем мы постараемся продемонстрировать такую возможность, обратившись уже к тексту Нового Завета.

Список литературы

1. Брюггеман, У. Бытие / У. Брюггеман. – Черкассы, 2013. – 416 с.
2. Герасимова, Н. К. Финикийская мифология / Н. К. Герасимова – СПб.: Летний сад, 1999. – 331 с.
3. Емельянов, В. В. Древнее Библии, или как понять шумеров / В. В. Емельянов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=G_ZHQAXHmls, свободный. Дата обращения: 30.07.2021 г.
4. Пятикнижие с толкованиями Раши (перевод Ф. Гурфинкель). – Т.1. – Иерусалим : Швут Ами, 2012. – 3070 с.
5. Селезнёв, Г. М. Введение в Ветхий Завет и Еврейскую Библию / Г.М.Селезнев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://7seminarov.com/oldtestamentcourse> Дата обращения: 26.07.2021 г.
6. Энума элиш [Электронный ресурс]. – Режим доступа : Дата обращения: 23.07.2021 г.
7. Day, J. The Mesopotamian Origin of the Biblical Flood Story [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.thetorah.com/article/the-mesopotamian-origin-of-the-biblical-flood-story>, свободный. Дата обращения: 09.03.2021 г.

8. **Levavi Feinstein, E.** The Rape of the Unbetrothed Virgin in Torah and Assyrian Law. A Comparative Analysis [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thetorah.com/article/the-rape-of-the-unbetrothed-virgin-in-torah-and-assyrian-law> Дата обращения: 17.08.2021 г.
9. **Rollston, C.** Who Wrote the Torah According to the Torah? [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.thetorah.com/article/who-wrote-the-torah-according-to-the-torah>, свободный. Дата обращения: 09.07.2021 г.
10. **Homan, M.** The Tabernacle in Its Ancient Near Eastern Context [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.thetorah.com/article/the-tabernacle-in-its-ancient-near-eastern-context>, свободный. Дата обращения: 12.03.2020 г.

Ukhov A. S.

The Biblical Text and its Reception History in the Context of the Ancient Far Eastern Literary Tradition

The biblical narrative is analysed in the context of the literary tradition of the ancient Far East. The role of the search for similarities between cosmogonic myths and the ideas of the author of the Book of Genesis for modern translations is revealed (for example, Genesis 1: 1-2). On the example of individual biblical texts, it is proved that historical reception is characteristic of their authors, and biblical criticism and Reception History not only do not contradict each other but should also be considered as integral methodological principles of the unified exegetical space of the Bible; opposing Reception History to biblical criticism is considered methodologically impractical.

Key words: *author, Bible, biblical criticism, Middle Eastern literature, literary tradition, myth, narrative, translation, exegesis, Reception History.*

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 377.016:811'373

Александрова Юлия Александровна,
преподаватель ОП «МПК ЛГПУ»
alexandrov4u@yandex.com

Особенности формирования лексической компетенции при обучении иностранным языкам

В статье раскрываются особенности формирования иноязычной лексической компетенции. При обучении лексике важными этапами являются семантизация, закрепление значения слова и контроль изученных слов. При этом необходимо учитывать системность лексики: своеобразие и разнообразие типов группировки лексических единиц, их смысловые отношения, а также характер связанности и взаимодействия друг с другом, семантику слов, их многозначность, валентность, образность, словообразовательные возможности, их роль в разных рядах сопоставлений.

Ключевые слова: лексика, лексическая компетенция, семантизация, лексический комплекс.

Сегодня роль лексики в овладении любым иностранным языком никак не менее значительна, чем других видов речевой деятельности, ведь именно лексика передает непосредственно предмет мысли. Благодаря своей номинативной функции, она помогает отразить не только реальную действительность, но и мнимую. Очевидно, что без овладения словарным запасом невозможно ни говорить на иностранном языке, ни выражать собственные мысли. Для этого необходимы продуктивные, рецептивные навыки, социокультурные знания и умения, а также лингвистические знания, что делает данную тему актуальной и важной.

Методика обучения иноязычной лексике рассматривалась в ряде методических работ как отечественных, так и зарубежных ученых (Н. В. Баграмова, И. Л. Бим, В. А. Бухбиндер, П. Б. Гурвич, Б. А. Лapidус, Е. И. Пассов, Г. Н. Путилина, В. К. Романова, Н. Т. Сапрыкина, С. Ф. Шатилов, V. Allen, R. Carter, M. McCarthy, J. Richards и других), но, несмотря на фундаментальность представленных исследований, есть основание говорить о неизученности вопросов обучения отдельным языковым аспектам лексики и в особенности формирования иноязычной лексической компетенции, поэтому цель данной статьи – рассмотреть особенности формирования лексической компетенции при обучении иностранному языку.

Понятие «компетенция» (от латинского *competo* – «добиваюсь, отвечаю, прохожу») достаточно широко применяется в разных областях научного знания. Обычно этот концепт используется в трудах авторов, исследующих различные аспекты лингвистики, а также теории и методики обучения языкам, а для его определения в основном используются термины «лингвистическая (языковая) компетенция» и «коммуникативная компетенция». Понятие «лингвистическая компетенция» было введено в научное обращение Н. Хомским и употребляется сегодня в значении знания правил речи, тогда как понятие «коммуникативная компетенция», впервые примененное Д. Хаймзом, означает знание, обеспечивающее индивиду возможность осуществления функционально направленного речевого общения [3, с. 12]. При этом лексическая компетенция, по мнению А. А. Фетисовой, – это «способность и готовность студента на основе совокупности приобретенных лексических знаний, навыков и умений, языкового и речевого опыта осуществлять корректное иноязычное общение в учебной и повседневной деятельности в соответствии с языковыми, стилистическими и социокультурными нормами изучаемого языка» [10], то есть, практическая возможность применять приобретенный багаж знаний в общении и рабочих процессах.

Лексическая компетенция представляет собой сложное структурное образование. Так, по определению О. М. Шамова, лексическая компетенция – это «основанная на лексических знаниях, навыках, умениях, а также личном языковом и речевом опыте способность человека определять контекстуальное значение слова, сравнивать «объем» его значения в двух языках, понимать структуру значения слова и выделять специфически национальное в смысле слова» [11, с. 247]. По мнению И. Л. Пересторониной, под лексической компетенцией следует понимать «совокупность языковых знаний в области лексики, а также лексических навыков и умений, овладение которыми позволяет осуществлять семантически правильный выбор лексической единицы в лингвистическом контексте в соответствии с языковыми нормами изучаемого языка» [7, с. 27].

Г. В. Рогова выделяет три компонента содержания обучения лексике: лингвистический, методологический и психологический. Под лексической единицей подразумевается отдельное слово, стойкое словосочетание, идиомы. Их знание необходимо для решения речевых задач, обусловленных контекстом деятельности определенной возрастной группы обучающихся, и составляет лингвистический компонент содержания обучения лексике на конкретном этапе обучения [8, с. 37].

Методологический компонент содержания обучения лексике включает необходимые разъяснения, памятки и инструкции по использованию словарей, форм ведения индивидуальных словарей и карт с новой лексикой

о способах реорганизации и систематизации изученной лексики. Это те знания и умения, которые позволяют студенту работать над лексикой самостоятельно и вне зависимости от внешних условий, а вот психологический компонент содержания обучения лексике связан с проблемой закрепления и усвоения лексических навыков и умений [8, с. 38].

Итак, лексические навыки являются самым важным и неотъемлемым элементом содержания англоязычной лексической компетентности, они обеспечивают функционирование лексики в общении.

По определению С. Ф. Шатилова, «лексические речевые навыки – это навыки интуитивно-правильного образования, употребления и понимания иноязычной лексики на основе речевых лексических связей между слухоречевой и графической формами слова и его значением, а также связей между словами иностранного языка» [12, с. 129]. Профессор Р. К. Миньяр-Белоручев определяет сущность лексического навыка как способность мгновенно вызывать из длительной памяти эталон слова в зависимости от конкретной речевой задачи и включать его в речевую цепь [4, с. 108].

Е. И. Пассов выделяет в лексическом навыке следующие компоненты:

1) слуховые и речевые следы от самого слова в их соотнесенности (благодаря последней осуществляется слуховой контроль за формальной правильностью слова);

2) соотнесенность слуховых и речедвигательных следов слова со зрительным образом предмета (прямо или косвенно), с представлениями, которые могут быть единичными (знакомый человек, известная нам комната) и общими (человек вообще, комната вообще);

3) ассоциативные связи слова с рядом других слов, что физиологически объясняется категорическим поведением слова (в речевом продукте это выражается в устойчивых и свободных словосочетаниях);

4) связи слова, составляющие его содержательную структуру (подобных связей у каждого слова много, потому что они отражают функцию предмета, обозначенного данным словом, характеристики предмета, его связи с другими предметами);

5) соотнесенность слова с ситуацией как системой взаимоотношений собеседников [6, с. 135–137].

Г. В. Рогова выделяет следующие задачи перед овладением лексикой для последующего ее употребления в репродуктивных видах речевой деятельности:

1) найти слово в памяти, а значит, оно должно быть изначально заложено в ней;

2) произнести его, что предполагает знание его фонетической формы;

3) включить в сочетания на основе смысловой совместимости и в соответствии с грамматической нормой;

4) включить сообщение в предложение, текст [8, с. 89].

При этом для рецептивных видов речевой деятельности нужно уметь ассоциировать графический и, соответственно, звуковой образ слова с лексическим значением и определять грамматическую форму слова, связи с другими словами, что приведет к проникновению в содержание. Необходимо учить лексику таким образом, чтобы обучающиеся постоянно испытывали напряженность коммуникативной задачи, то есть, понимали, что слова им нужны для выражения мнений и их распознавания. Только ясная языковая перспектива, как считает Г. В. Рогова, обуславливает мотивированность и успешность овладения необходимым словарным запасом [8, с. 91].

Е. Н. Соловова отмечает, что слово/слова нужно вводить лишь в определенном контексте. Она подчеркивает тот факт, что чем шире ассоциативные связи слова, тем выше процент запоминания и разнообразнее контекст употребления слова [9, с. 86]. Отсюда вытекает необходимость создания разных связей слова в разных контекстах. Возможность установления парадигматических связей слов как по формальному признаку (учитывая особенности звуковой, графической формы, грамматических особенностей), так и смысловых связей на уровне контекста употребления в определенных ситуациях, а расширение контекста можно обеспечить посредством сочетания смежных семантических полей.

Следующим фактором, по мнению Е. Н. Солововой, влияющим на положительную динамику семантического поля, является проблемный характер речевой установки, которая может сузить высказывания к односложному ответу или, напротив, объединить смежные семантические поля в обобщенное семантическое поле и обеспечить творческий отбор всей ранее изученной лексики в соответствии с новой речевой задачей. Чем выше уровень проблемности, тем интереснее задачи и вариативнее ответы. Обеспечение постоянной актуализации изученной лексики и ее максимальная ротация являются последним фактором, который обеспечивает увеличение семантического поля. Еще проще увеличивать активный словарь не за счет механического привнесения новой лексики, а за счет творческого внедрения уже изученной в новейших контекстах [9, с. 88].

Рассматривая проблему определения этапов формирования иноязычной лексической компетенции, мы основываемся на положении Ю. И. Пассова о том, что процесс обучения иноязычной лексике проходит путь от получения знаний по лексике и выработки первичных (лексических) умений к развитию вторичных (речевых) умений через формирование навыка употребления лексики [2, с. 24]. Дополнением к данному положению является выделение этапов формирования лексических навыков: сначала формируются навыки работы с лексическим материалом, затем имеет место этап совершенствования навыков, и только после этого наступает этап развития умений оперирования

лексическими единицами в речевой деятельности [6, с. 26]. Такая организация процесса обучения иноязычной лексике активизирует все механизмы учебного познания: восприятие, обеспечивающее понимание и осознание учебного материала, воспроизведение, обеспечивающее детальное усвоение для углубленного познания, а также творческое практическое применение полученных знаний.

Раскрытие значения слова (семантизация) может производиться разными способами, которые принято объединять в две группы: беспереводные (демонстрация предметов, жестов, действий, картинок, рисунков и т. д.) и переводные (раскрытие значений слов на иностранном языке) способы семантизации. Для чего могут использоваться: 1) определение (дефиниции) – описание значения слова уже известными словами: *cinema – theatre where films are shown*; 2) перечисление: *dogs, cats, cows, horses, pigs are animals*; 3) семантизация с помощью синонимов или антонимов: *cold – warm, quick – slow*; 4) определение слова на основе контекстуальной догадки, основанной на понимании общего содержания предложения, на знании фактов.

К переводным средствам семантизации относятся:

1) перевод слова (словосочетания или оборота) соответствующим эквивалентом родного языка;

2) перевод-толкование, при котором кроме эквивалента на родном языке обучающимся сообщают информацию о совпадении (или различии) значения (*big – большой (обозначает величину, размер); great – большой (знаменитый, величественный)*). Как отмечает Н. И. Гез, перечисленные способы семантизации имеют преимущества и недостатки. Беспереводные способы развивают речевую догадку, улучшают практику речи, создают опоры для запоминания, усиливают ассоциативные связи. Вместе с тем, беспереводные способы требуют больше времени, чем переводные и не всегда обеспечивают точность понимания. Перевод, в свою очередь, экономичен в отношении времени, универсален в применении, но увеличивает возможность межъязыковой интерференции [1, с. 205–207].

По определению Е. Н. Солововой, в активный словарь входит «... та лексика, которой человек постоянно пользуется в устном речевом общении, то есть те слова, которые находятся «на кончике языка», как говорят англичане» [9, с. 89]. Это основной запас лексики, который должен обеспечить обучающимся возможность выражать свои мысли и понимать мнения других в устной и письменной речи. С. Ф. Шатилов предлагает следующие критерии отбора слов активного лексического минимума:

1) семантический принцип (слова должны выразить наиболее важные понятия по той тематике, с которой сталкивается обучающийся, изучая иностранный язык, но при этом все термины и более

частные понятия не подлежат включению в словарный минимум, кроме самых необходимых, которые нельзя передать описательно другими словами);

2) принцип сочетаемости (слова с большой сочетаемостью имеют большее преимущество над словами с редкой сочетаемостью, так как при ограниченном объеме обязательной лексики они позволяют выражать и понимать более разнообразное содержание);

3) принцип стилистической неограниченности (это принадлежность слова к нейтральному, литературному, разговорному и книжному стилям речи, при этом в лексический минимум не включаются слова, относящиеся к категории диалектизмов, профессионализмов, жаргонизмов и т. д.);

4) принцип частотности (в словарный минимум включаются наиболее употребительные и литературно-разговорные слова и обороты речи);

5) принцип исключения синонимов (в словарь-минимум из синонимического ряда включается только одно, употребляемое и нейтральное слово);

6) принцип словообразовательной ценности (в минимум включаются лишь наиболее продуктивные в словообразовательном отношении слова, от которых с помощью аффиксов можно образовать наибольшее количество других слов);

7) принцип исключения интернациональных слов (производных и сложных), полностью совпадающих в иностранном и родном языках [12, с. 123–124].

Если слово долго не употребляется, то оно переходит в пассивный словарь, т. е. может быть опознано при чтении и аудировании, но не используется в речи. Для объяснения лексики, относящейся к пассивному минимуму, Н. И. Гез предлагает следующие особенности: 1) объяснение слов должно идти от языковой формы к понятиям, которые оно передает; 2) для каждого нового слова (оборота) используются разные значения, зафиксированные в лексическом минимуме; 3) для правильного и быстрого узнавания лексики в тексте объясняются его информативные структурные признаки, отличие от омонимов, возможное контекстуальное окружение; 4) ознакомление с новой лексикой может быть как в печатном виде, так и посредством аудио- и видео-материалов [1, с. 209].

Границы между активным и пассивным словарем неустойчивы и могут варьироваться в зависимости от ряда условий. Кроме этих четко ограниченных словарных минимумов, важно развивать также потенциальный словарь обучающихся, который носит открытый и индивидуальный характер, возникает на основе самостоятельной семантизации обучающимися неизученной лексики в момент чтения и состоит из знакомых словообразовательных элементов (знание способов словообразования и значения аффиксов, сложных слов) и слов, значение которых известно из конверсии, например: *water – to water, milk – to milk*, посредством понимания интернациональной лексики [8, с. 97].

Итак, при обучении необходимо учитывать системность лексики: своеобразие и разнообразие типов группировки лексических единиц, их смысловые отношения, а также характер связанности и взаимодействия друг с другом – концентрическая подача словарного множества; учитывать семантику слов, их многозначность, валентность, образность, словообразовательные возможности, их роль в разных рядах сопоставлений, например, близких по значению, антонимических противопоставлениях, особенности употребления слов, близких по зрительному и слуховому восприятию и т. д. И хотя в методике и в учебном процессе давно признана и занимает должное место тематическая группировка лексики, но в лексике возможна и другая системная упорядоченность – словарные объединения, отражающие внутрилексическую системность, т. е., учебной лексической единицей должно выступать не само по себе слово, а словосочетание, лексический комплекс, который полностью усваивается и хранится в памяти обучающегося и при необходимости полностью изымается из памяти, употребляется в предложении в виде готового «блока», получая при этом соответствующее грамматическое оформление [5, с. 18].

Преподавателю стоит научить обучающихся работать над лексикой параллельно по двум направлениям: учить отдельные, изолированные слова и работать над лексикой в тексте, так как запоминание отдельных слов представляет определенные затруднения. На наш взгляд, нельзя ограничиваться пониманием слова в данном конкретном тексте, не зная основных значений отдельного слова как самостоятельной словарной единицы. Возможности усвоения как отдельных слов, так и их изучение в контексте, на сегодняшний день нам предлагают современные мобильные приложения. В процессе формирования лексических навыков они дают возможность формировать графический образ слова одновременно с его звуковым и моторным образом. Чем больше каналов восприятия информации задействовано в процессе обучения, чем интенсивнее они вовлекаются в процесс обучения, тем быстрее и прочнее будет усваиваться лексический материал. Эффективность этого процесса зависит не только от аудиторных занятий, но и от самостоятельной работы обучающихся над новой лексикой. Именно изучение мобильных приложений в процессе усвоения лексики станет предметом рассмотрения в следующей нашей статье.

Список литературы

1. Гез, Н. И. Методика обучения иностранным языкам в средней школе : учебник / Н. И. Гез, М. В. Ляховицкий, А. А. Миролюбов. – М. : Высш. школа, 1982. – 373 с.
2. Гринюк, Г. А. Отбор учебного материала для формирования англоязычной лексической компетенции у студентов-экономистов / Г. А. Гринюк, Ю. О. Семенчук // Иностранные языки. – 2007. – № 2. – С. 30–34.
3. Козак, С. В. Коммуникативный подход в современных технологиях

- обучения иностранному языку в высшей школе / С. В. Козак // Научный вестник ГПУ им. К. Д. Ушинского. – Одесса, 2000. – № 12. – С. 12–17.
4. **Миньяр-Белоручев, Р. К.** Методика обучения французскому языку / Р. К. Миньяр-Белоручев. – М. : Просвещение, 1990. – 224 с.
 5. **Нестеренко, О. А.** Методика обучения студентов языковых специальностей второму иностранному языку после английского : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / О. А. Нестеренко. – Одесса, 2012. – 23 с.
 6. **Пассов, Е. И.** Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению / Е. И. Пассов. – М. : Русский язык, 1989. – 276 с.
 7. **Пересторонина, И. Л.** Формирование языковой компетенции при обучении лексике второго иностранного языка: на примере англо-французских когнатов : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / И. Л. Пересторонина. – М., 2003. – 198 с.
 8. **Рогова, Г. В.** Методика обучения иностранным языкам в средней школе / Г. В. Рогова, Ф. М. Рабинович, Т. Е. Сахарова. – М. : Просвещение, 1991. – 287 с.
 9. **Соловова, Е. Н.** Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций / Е. Н. Соловова. – М. : Просвещение, 2002. – 239 с.
 10. **Фетисова, А. А.** Методика управления фактором произвольности в процессе развития иноязычной лексической компетенции студентов (I курс, педагогический вуз) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / А. А. Фетисова. – М., 2010. – 20 с.
 11. **Шамов, А. Н.** Когнитивный подход к обучению лексике: моделирование и реализация : базовый курс немецкого языка : дис. ... д-ра пед. наук : 17.03.06 / А. Н. Шамов. – Новгород, 2005. – 490 с.
 12. **Шатилов, С. Ф.** Методика обучения немецкому языку в средней школе : учеб. пособие для студ. пед. ин-тов. С. Ф. Шатилов. – М. : Просвещение, 1986. – 223 с.

Alexandrova Yu. A.

Features of Lexical Competence Formation in Teaching Foreign Languages

The article reveals the features of the foreign language lexical competence formation. During the process of teaching vocabulary, important stages are semantization, fixing the meaning of a word and controlling the learned words. At the same time, it is necessary to take into account the systematic nature of vocabulary: the originality and diversity of lexical units types of grouping, their semantic relationships, as well as the nature of connection and interaction with each other, the semantics of words, their polysemy, valence, imagery, word-formation possibilities, their role in different series of comparisons.

Key words: *vocabulary, lexical competence, semantization, lexical complex.*

УДК: [378.016:811] : 070.43/44

Гончарова Светлана Владимировна,
ст. преподаватель
кафедры теории и практики перевода
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»,
sveta.sv71@mail.ru

Газетно-публицистические тексты как способ формирования политической культуры на занятиях иностранного языка

В статье анализируется специфика использования публицистических текстов в процессе обучения иностранному языку. Рассматривается роль публицистики в формировании политической культуры. По мнению автора, наиболее информативным и достаточно важным материалом для обучения студентов является газетная статья. Известно, что применение газетного текста в процессе преподавания предоставляет возможность студентам не только познакомиться с особенностями публицистического стиля речи, но и способствовать формированию активной политической позиции. Основной задачей данного исследования является изучение применения публицистических текстов в обучении иностранным языкам, а также практических аспектов данного процесса и сложностей, возникающих при использовании статей.

Ключевые слова: политическая культура, аутентичный текст, публицистический стиль, газетная статья, неадаптированный текст, лексико-грамматические трудности.

Там, где политические конфликты создают разделяющую пропасть, культура создает пространство для понимания и диалога.

Майк Харди

С каждым годом наблюдается рост деловых и культурных контактов, повышается уровень экономической, политической, социальной интеграции. Следствием таких процессов является потребность в большем количестве специалистов, которые отличаются отличной языковой компетенцией. В соответствии с потребностью в кадрах, которые обладали бы такими качествами, важной составляющей содержания образования выступает политическая культура, предполагающая усвоение индивидом определенной системы культурных ценностей и норм. Социальный заказ общества на формирование политически активных граждан требует комплекса педагогических условий, обеспечивающих эффективность формирования политической культуры студентов высших учебных заведений, выявлению

методических направлений их реализации. Налаживание международного сотрудничества является приоритетным направлением развития России. Профессиональная подготовка высококвалифицированных специалистов в сфере международных отношений является залогом успешного сотрудничества в составе международных организаций для воплощения собственной стратегии социального, экономического и политического развития.

В связи с этим появляется необходимость в новых методах обучения, позволяющих не только осваивать основные компетенции, но и легко адаптироваться к переменам в мире. Необходимость формирования гражданской политической культуры обучающихся определена, с одной стороны, потребностью в новом качестве образования, соответствующего современным потребностям развития общества, а с другой – пониманием бесперспективности прежних подходов в политическом просвещении и осознанием возможных негативных последствий недостаточной эффективности образования, опасности отчуждения и асоциализации молодых людей, пассивности и расхождения в оценках ценностей, перспективы возникновения асоциальных сообществ, возможности проявления социального радикализма молодежи, опасности отчуждения, контрпродуктивного развития политических интересов и гражданского политического участия молодых людей [1, с. 72].

Целью статьи является изучение места и роли медийных текстов в формировании политической культуры у студентов вузов в процессе изучения иностранного языка и воспитания активных членов общества, от которых ожидается исполнение их социальной роли.

Современные СМИ представлены прессой, радио, телевидением, компьютерными сетями, с помощью которых информация распространяется на большие аудитории. Периодическая пресса традиционно является одним из основных средств в системе массовой информации и пропаганды. Так, материалы газет содержат факты, их оценку, характеристику процессов и тенденций развития современной действительности. В соответствии со своей позицией газета выражает мнение по важнейшим политическим общественным проблемам, стремится на основе печатаемых материалов предоставлять читателю полную информационную картину мира, способствует овладению иностранными языками, что является условием интеграции личности в систему мировой культуры, взаимопонимания людей и сотрудничества между ними. Поэтому работа студентов с газетой на занятиях по иностранному языку помогает не только снятию барьера, закрывающего доступ к мировой информационной системе, но и формированию личности как активного члена общества. Кроме того, печатная периодика дает возможность студентам овладевать уникальным тематическим разнообразием лексики, потому что газета выступает как носитель современного варианта языка; ее можно рассматривать как неисчерпаемую в смысловом плане основу для коммуникативной деятельности.

Таким образом, использование печатной периодики на занятиях по иностранному языку вызывает несомненный интерес. Овладение активным общественно-политическим словарем, развитие речевых навыков возможно только при условии педагогически целесообразно организованной подготовки.

Первопроходцами в исследовании политической культуры были в 50-е и 60-е годы американские ученые-политологи Г. Алмонд и С. Верба, а в российской политологии первыми к этой теме обратились в 70–80-е годы А. Галкин, Ф. Бурлацкий. Г. Алмонд и С. Верба писали: «Когда мы говорим о политической культуре общества, мы имеем в виду политическую систему, интериоризированную в знании, чувствах и оценке его членов» [4, с. 12]. В психолого-педагогической и методической литературе исследуются вопросы использования периодической печати с целью обоснования воспитательной функции средств массовой коммуникации, выявления влияния средств массовой информации на студенчество (С. А. Абдоков), воспитания интереса к политическим знаниям (С. А. Киперман), формирования политической культуры молодежи (Г. А. Аминев, А. А. Копанева и др.). Опубликованы пособия и научно-методические рекомендации (Н. В. Баранова, Д. В. Малявин, М. С. Латушкина, Е. В. Розен и др.) по вопросам форм и методов работы с газетным материалом [5, с. 109–111].

Использование современных газетных статей в качестве дополнительного учебного материала на занятиях может удачно решить сразу несколько учебных задач. Во-первых, газетные материалы, посвященные таким темам, как, например, «Law», «National Identity», «Culture», помогут осветить современные тенденции развития российского, британского или американского общества, понять, что волнует представителей другой культуры. Во-вторых, как правило, статьи содержат дискуссионные вопросы, что поможет организовать обсуждение и мотивировать формулирование и высказывание собственного мнения у изучающего язык. Поскольку авторы статей чаще всего полемизируют с предыдущими публикациями по данной теме или освещают новые процессы, происходящие в обществе, появляется возможность обратить внимание изучающих на фигуры речи и способы аргументации разных точек зрения. В-третьих, в газетных статьях употребляются как лексические единицы, соответствующие тематике самой статьи, так и их устойчивые сочетания, клише, фразеологизмы и идиоматические выражения.

Среди изучающих язык наблюдается тенденция использовать кальку с родного языка при описании собственной точки зрения во время обсуждения. Для того, чтобы избежать данную проблему, необходимо обращаться к изучению клише и устойчивых лексических сочетаний, а также оборотов речи. Этому способствует использование газетных материалов

на занятиях иностранного языка, что улучшает как коммуникативные и речевые навыки, так и позволяет гораздо ближе познакомиться с культурой страны изучаемого языка и процессами, которые происходят в обществе этой страны. Данный вид деятельности также способствует повышению интереса в изучении языка среди обучающихся благодаря тому, что лексический материал усваивается на фоне изучения особенностей менталитета конкретного социума. Возможность обсуждать текущие, современные проблемы общества, пути их решения, сравнивать тенденции развития других социумов с аналогичными тенденциями в своем социуме не может не служить мощным стимулом к изучению и совершенствованию знаний иностранных языков. Владение иностранным языком невозможно в отрыве от культуры и реалий жизни англоязычных стран, а газета, как средство массовой информации, является неотъемлемой частью культуры. Через понимание содержания газетных публикаций изучающие язык должны прийти к пониманию особенностей языка и жизни.

Аутентичные публицистические тексты способствуют дополнительной мотивации и увеличению интереса учеников, обогащая их словарный запас. Использование англоязычной прессы, телевидения, Интернет-новостей помогает ощутить аутентичные характеристики речи, она перестает быть унифицированной. Интернет-сайты имеют практически все английские газеты, поэтому, не имея возможности еженедельно читать «Sunday Times», «Daily Mail» или «Times», можно прочитать все новости на сайте этой газеты. Однако нужно учитывать, что правильному пониманию может препятствовать незнание политической ситуации, реалий страны, где произошло событие. Обращаясь к опыту проведения политинформации, которые в советский период проводились на занятиях английского языка и сводились просто к переводу так называемых «тысяч печатных знаков», можно констатировать, что машинное заучивание слов и их перевод не способствует изучению иностранного языка. Воспользовавшись возможностью безграничного источника англоязычной информации с использованием Интернета, можно определенным образом восстановить информационные занятия в новой форме.

С методической точки зрения, использование газетных текстов делает возможным выполнение целого ряда задач, способствующих как развитию устных речевых навыков, так и формированию политической культуры. Это такие задачи, как формулирование основной идеи статьи или доклада, пересказ различных точек зрения, предложенных в статье. Для расширения спектра обсуждения студентам можно предложить сравнить и соотнести факты, мнения, ситуации, рассмотренные в зарубежной прессе, с материалами прессы на родном языке. Также можно предложить проводить просмотр и обсуждение выпусков новостей на канале RT News или на англоязычном сайте <https://swentr.site/>. Новости должны быть свежие, самое позднее,

вчерашие. С учетом острой политической обстановки в мире и понимания того, что большинство процессов, происходящих в мире, проходят вокруг России и с её участием, необходимо обращаться к официальному сайту Министерства иностранных дел Российской Федерации <https://mid.ru/en/>. Свежую, достоверную и проверенную информацию публикуют на интернет-сайтах ТАСС (<https://tass.com/>), Новостного Агентства «Спутник» (<https://sputniknews.com/>) и других. Если исходный материал предлагает полярные точки зрения, появляется возможность организовать дебаты, предложить подгруппам, придерживающимся разных точек зрения, аргументировать и защитить свою позицию. Можно использовать сайты иностранных изданий, например: сайт *caïm* www.bbc.world.com, сайт известных английских газет «Times» www.timesonline.co.uk/.

Прежде, чем использовать в ходе занятий газетно-публицистические тексты, необходимо активизировать восприятие контекста с помощью введения и объяснения незнакомых слов. Они могут быть представлены в виде списка слов с переводом или написаны на доске. Необходимо также провести опрос по вопросам политических новостей, спросить, кто интересуется политикой, какими были последние новости, новости какого плана интересуют больше. Современная трактовка практического овладения иностранными языками связана, прежде всего, с необходимостью осуществлять речевое общение в реальных ситуациях, в соответствии с нормами поведения и речевого этикета, которые являются приемлемыми в данном сообществе. Успешность речевого общения во многом зависит от способности общающихся воздействовать друг на друга адекватно задачам общения и в соответствии с этим употреблять речевые высказывания. Все рассмотренные типы заданий позволяют развивать коммуникативные умения, наращивая при этом лексический запаси расширяя представление о социуме и культуре изучаемого языка.

Таким образом, использование аутентичных публицистических текстов на уроках иностранного языка способствует формированию политической культуры обучающихся. С помощью таких текстов воссоздаются условия языковой среды и культуры. Эти тексты знакомят обучающихся с реалиями страны изучаемого языка и приобщают к культурным ценностям других народов. Практическое использование и обсуждение в ходе занятий публицистических статей способствует формированию активной позиции. Регулярный анализ и обсуждение публикаций по определенной тематике не только формирует у студентов систему знаний и принципов, но также развивает культуру чтения, учит культуре полемики, культуре мышления, способствует повышению политической грамотности. Практическая значимость заключается в том, что в период обучения в вузе идет не только овладение профессиональными

знаниями и навыками, но и становление социальной мировоззренческой зрелости, интенсивный процесс формирования политического сознания и политической культуры студентов. Перспективы дальнейших исследований мы видим в разработке практических упражнений по применению газетно-публицистических текстов на занятиях иностранного языка.

Список литературы

1. **Дольнина, И. Г.** «Гражданином быть обязан», или формирование политической культуры / И. Г. Дольнина // Высш. образование сегодня. – 2013. – № 1. – С. 71–74 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdaninom-byt-obyazanili-formirovanie-politicheskoy-kultury/viewer>. Дата обращения: 13.01.2023 г.
2. **Любин, В. П.** Дискуссии о политической культуре современной России / В. П. Любин // Россия и современный мир. – № 2. – 2002. – С. 185–190 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/diskussii-o-politicheskoy-kulture-sovremennoy-rossii>. Дата обращения: 12.01.2023 г.
3. **Королькова, В. А.** Learn to Read Papers / В. А. Королькова. – М. : Высш. школа, 1967. – 112 с.
4. **Almond, G.** The Civic Culture: political attitude and democracy in five nations / G. Almond, S. Verba. – London : SAGE Publications, 1989. – 392 p.
5. **Sputnik international** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sputniknews.com/tag_RIANovosti/. Дата обращения: 18.01.2023 г.
6. **Министерство иностранных дел Российской Федерации** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mid.ru/en/>. Дата обращения: 18.01.2023 г.
7. **ТАСС** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.com/>. Дата обращения: 18.01.2023 г.
8. **The Times** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thetimes.co.uk/>. Дата обращения: 18.01.2023 г.

Goncharova. S. V.

Newspaper Texts as the Main Way of Formation of Political Culture in the Content of Teaching a Foreign Language

The article analyses the specifics of using journalistic texts in the process of teaching a foreign language. The role of journalism in the formation of political culture is considered. The article discusses the use of authentic texts in teaching foreign language. According to the author, the most informative and sufficiently important material for teaching is a newspaper articles. It

is known that the use of a newspaper text in the process of teaching foreign language provides an opportunity for students not only to get acquainted with the peculiarities of journalistic style of speech, but also to form and an active political position, difficulties in using the articles.

Key words: *political culture, authentic text, foreign language, newspaper article, non-adapted text, lexical and grammatical difficulties.*

УДК 37.091.2-043.5

Дволучанская Виктория Александровна,
канд. пед. наук,
доцент кафедры английской и
восточной филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
victoriya99.2010@mail.ru

Британова Анна Анатольевна,
студент 4 курса,
45.03.01 «Филология.
Английский язык и литература»
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
britanowaa@yandex.ru

Феномен «взаимодействие» в контексте педагогической деятельности на уроках иностранного языка

В статье рассматривается понятие «взаимодействие» и его компоненты в контексте педагогической деятельности на уроках иностранного языка. Осуществляется теоретический анализ родственных понятий: «интеракция», «общение», «взаимосвязь»; выделяются значимые составляющие образцового взаимодействия субъектов на уроках английского языка: когнитивный, аффективный, регулятивный, духовный. Раскрывается сущность типов взаимодействия при изучении иностранного языка в рамках системы основного общего образования.

Ключевые слова: взаимодействие, педагогическая деятельность, интеракция, общение, взаимосвязь.

Исследование проблемы взаимодействия всегда представляло интерес для учёных. Это связано с тем, что данный феномен является динамично меняющимся явлением, охватывает значительный спектр междисциплинарных проблем, ориентирован на личность и тенденции гуманизации образования. Следует отметить, что в содержании ФГОС основного общего образования подробно описаны требования к подготовке обучающихся, имеющие непосредственное отношение к вопросу организации успешного взаимодействия в образовательном процессе: освоение социальных норм, правил поведения; формирование осознанного, уважительного и доброжелательного отношения к другому человеку; формирование коммуникативной компетентности в общении и сотрудничестве со сверстниками.

Цель статьи – выявить особенности реализации взаимодействия субъектов учебного процесса в контексте педагогической деятельности на уроках иностранного языка.

В толково-словообразовательном словаре указано, что взаимодействие – это влияние различных предметов, явлений действительности друг на друга, обуславливающее изменение в них. Согласованность, непротиворечивость положений, выводов, результатов деятельности человека в различных сферах [2].

По мнению Н. Д. Гальсковой, взаимосвязь – это философская категория, которая подразумевает, что все явления и предметы находятся в бесконечных связях между собой, в процессе изменения материального мира [1]. Взаимодействие – это процесс, происходящий в системе воспитатель – воспитанник в процессе учебно-воспитательной работы, который направлен на развитие личности ребенка. Педагогическая интеракция – одно из ключевых понятий педагогики и научный принцип, лежащий в основе обучения иностранному языку и воспитания [1]. Педагогическое осмысление этого понятия получило в работах В. И. Загвязинского, Л. А. Левшина, Х. Й. Лийметса и др.

Взаимодействие представляет собой универсальную характеристику образовательного процесса, его основу. Взаимодействие в широком смысле – это преднамеренная и взаимосвязанная деятельность учителя и учащихся. Благодаря этой деятельности обеспечивается динамика педагогической системы и протекание педагогического процесса. Педагогическое взаимодействие имеет две стороны: персональную (личностную), а также практическую. Персональная сторона предполагает, что педагог, тесно взаимодействуя с обучающимися, передает им свою индивидуальность, реализуя собственную потребность и способность являться личностью. Это даёт возможность формировать соответствующую необходимость социализации в сознании обучающихся. В силу этого данная сторона взаимодействия в наибольшей степени затрагивает мотивационно-ценностную сферу детей. Научно доказано, что школьники имеют тенденцию переносить свое отношение к преподавателю и на преподаваемый предмет. Содержание образования и научное знание выступают средством преобразования этой сферы.

Практическая сторона интеракции педагога с учащимся представлена обстоятельствами педагогического процесса, в котором педагог выполняет определенную роль: организует и направляет деятельность обучающихся, контролирует ее результаты. В данном случае обучающиеся воспринимают педагога не как личность, а лишь как должностное, контролирующее лицо. Эта сторона взаимодействия направлена главным образом на развитие знанцевой сферы обучающихся. Показателем успешной деятельности учителя служит соответствие достижений учеников заданным эталонам.

Интеракция между субъектами образовательного процесса происходит посредством профессионального общения. Советский психолог Б. Ф. Ломов

считает, что общение является специфической системой межличностного взаимодействия, структура и динамика которого не сводятся к последовательно сменяющимся воздействиям [4, с. 53]. Профессионально-педагогическое общение есть многофункциональная система (приемов и навыков) органичного социально-психологического взаимодействия педагога и учеников, содержанием которого является обмен информацией, оказание воспитательного воздействия, организация взаимоотношений с помощью коммуникативных средств. Причем педагог выступает как активатор этого процесса, организуя его и управляя им [3, с. 12].

На основании вышесказанного делаем вывод, что между понятиями «взаимодействие» и «общение» присутствует неразрывная связь. Разорвать данные явления в процессе обучения иностранному языку – значит подвергнуть его безрезультатному исходу. На сегодняшний день большую распространённость получила теория помещения ребенка в языковую среду как наиболее эффективнейший способ улучшения навыков говорения и слушания. Конкретным примером процесса обучения без живого общения и взаимодействия как такового можем считать период дистанционного обучения. Многие педагоги отметили, что по возвращении в образовательные учреждения учащиеся трудно адаптировались к привычному формату обучения, заметно упал уровень знаний и коммуникативных умений.

Таким образом, выделим четыре компонента образцового взаимодействия:

- когнитивный (включает знание структуры и закономерностей коммуникативного процесса, а также психолого-педагогических требований его организации);
- аффективный (умение корректно воздействовать на эмоциональное состояние обучающихся);
- регулятивный (умение донести информацию ученикам с привлечением различных методов, приемов, коммуникативных средств);
- духовный компонент (единство духовного расположения и интеллектуальных способностей).

В. А. Кан-Калик выделяет пять основных стилей общения, которые являются результатом взаимодействия педагога и учащихся:

- 1) общение-заигрывание;
- 2) коммуникация на основе дружеского расположения;
- 3) коммуникация-дистанция;
- 4) коммуникация-устрашение;
- 5) общение на основе увлеченности совместной творческой деятельностью [3].

С нашей точки зрения, наиболее эффективными стилями являются общение на основе дружеского расположения и общение на основе увлеченности совместной творческой деятельностью. Дружественная атмосфера и доброжелательная обстановка располагают учащихся к изучению требуе-

мого материала. Увлечённость совместным творческим поиском – наиболее продуктивный для всех участников педагогического взаимодействия стиль общения. В его основе лежит единство этических установок и высокого профессионализма учителя. Увлечённость совместным с учащимися творческим поиском – результат не только коммуникативной деятельности педагога, но и степени его отношения к педагогической деятельности в целом, которая носит творческий характер.

Со всей очевидностью следует, что к наименее продуктивным стилям относятся: общение-устрашение, общение-заигрывание и общение-дистанция. Самый негативный эффект на процесс обучения иностранному языку оказывает метод «устрашения», рассмотрим его подробнее.

Те педагоги, которые выбирают стиль общения-устрашения, не достигают нужного результата. Их деятельность, как правило, бесперспективна. Такие педагоги лишают детей возможности творческого и индивидуального подхода к выполнению поставленной задачи, они становятся единственной движущей силой процесса обучения. Учитель требует четкого выполнения инструкций и требований, инициатива учеников не приветствуется. Такой метод обучения накладывает негативный отпечаток на эмоционально-психическую сторону детского сознания, что неприемлемо. Дети находятся в напряженной атмосфере, часто боятся и избегают урока иностранного языка, это свидетельствует о недостаточной компетенции педагога, его неумении или нежелании наладить эмоциональный контакт с классом. Естественно, данный стиль пресекает коммуникативную атмосферу, которая является основой педагогического взаимодействия.

Учитель выбирает стиль общения, исходя из своей природы, своего характера. Как правило, начинающий специалист даже не задумывается о том, чтобы найти свой стиль, это происходит естественным незаметным способом. Однако, допустив такую ошибку и избрав один из непродуктивных стилей общения, очень трудно перенастроить свою личность и отношение учащихся к ней и, собственно, предмету.

Педагог должен обладать соответствующими качествами, чтобы не допустить подобного. Так, Н. Д. Гальскова выделяет несколько качеств, какими должен обладать учитель иностранного языка для достижения наиболее эффективного результата:

- педагог должен мотивировать учеников изучать иностранный язык, уметь заинтересовать каждого из них, руководствоваться личностно-ориентированным подходом;
- любить свой предмет, быть заинтересованным в своем дальнейшем развитии;
- обладать полным контролем над учебным процессом;
- быть генератором идей, наставником, наблюдателем, помощником [1].

Огромное количество трудов посвятил В. А. Сухомлинский изучению этого вопроса. Он писал: «Мастер педагогического дела насколько хорошо

знает азбуку своей науки, что на уроке, в ходе учебного материала, в центре его внимания не само содержание того, что изучается, а ученики, их умственный труд, их мышление, трудности их умственного труда» [5, с. 39]. По нашему мнению, взаимодействие – это явление, которое является рычагом образовательного процесса. Грамотный выбор типа взаимодействия и стиля общения крайне важен при обучении иностранному языку.

Таким образом, на уроках иностранного языка важной задачей для педагога является грамотное использование законов взаимодействия, что составляет базис максимальной эффективности образовательного процесса в целом. Перспективы дальнейших исследований мы видим в разработке универсального алгоритма организации взаимодействия субъектов учебно-воспитательного процесса с целью эффективного решения поставленных образовательных задач.

Список литературы

1. Гальскова, Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам / Н. Д. Гальскова. – М. : АРКТИ, 2003. – 361 с.
2. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : св. 136000 слов. ст., ок. 250000 семант. ед. : в 2-х т. – Т. 2 / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2000. – 1084 с.
3. Кан-Калик, В. А. Учителю о педагогическом общении / В. А. Кан-Калик, В. П. Беспалько. – М. : ИПРО, 1995. – 189 с.
4. Ломов, Б. Ф. Психические процессы и общение. Методологические проблемы социальной психологии / Б. Ф. Ломов. – М. : Наука, 2005. – 230 с.
5. Сухомлинский, В. А. Сердце отдаю детям / В. А. Сухомлинский. – М. : Педагогика, 2006. – 318 с.

Dvoluchanskaya V. A.,
Britanova A. A.

The Phenomenon of «Interaction» in the Context of Pedagogical Activity in Foreign Language Lessons

The article discusses the concept of «interaction» and its components in the context of pedagogical activity in foreign language lessons. A theoretical analysis of related concepts is carried out: «interaction», «communication», «interrelation»; significant components of exemplary interaction of subjects in English lessons are highlighted: cognitive, affective, regulatory, spiritual. The essence of the types of interaction in the study of a foreign language within the framework of the system of basic general education is revealed.

Key words: interaction, pedagogical activity, interaction, communication, interrelation.

УДК 378:372.881.11

Нехаева Екатерина Алексеевна,
преподаватель кафедры английской
и восточной филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
katherinanehaeva@gmail.com

Педагогические основы формирования общекультурной компетентности будущих учителей иностранного языка средствами интерактивных методов обучения

В статье рассматривается вопрос применения интерактивных методов обучения в процессе формирования общекультурной компетентности студентов. Автор дает характеристику средств интерактивных методов обучения как основы формирования общекультурной компетентности.

Ключевые слова: *иностраннный язык, общекультурная компетентность, интерактивный метод обучения, методы обучения.*

Динамичное развитие общества и новые жизненные требования определяют необходимость поиска наиболее совершенных путей организации и повышения уровня эффективности учебного процесса и, соответственно, уровня подготовки будущих учителей иностранных языков. Целостное, многостороннее развитие молодого поколения, его подготовка к жестким условиям современности, высокий уровень знаний ценностей научно-технического прогресса, высокий профессионализм, компетентность, социальная мобильность, инициативность – главная цель развития и качества, которые требует современное общество.

При подготовке будущего педагога основное внимание должно уделяться формированию в нем личностных и профессиональных качеств в соответствии с требованиями времени. Его педагогические принципы, умения и навыки должны реализовываться в творческом подходе при решении профессиональных задач, поэтому особая роль в формировании личности будущего учителя принадлежит методам активного обучения.

Цель статьи – теоретически обосновать педагогические основы формирования общекультурной компетентности будущих учителей иностранного языка средствами интерактивных методов обучения.

Изучением компетентностного подхода и психолого-педагогическим развитием качеств личности занимались такие ученые, как А. Маслоу, Л. Расмуссен, С. Хутмачер и другие. Проблема поликультурного образования рассматривалась в трудах В. Габдулхакова, Р. Даутовой, Н. Никан-

дровой, Х. Томаса, Ю. Шмидта и др. Вопросы обучения иностранным языкам изучались в работах И. Бима, Х. Брумфита, П. Гальперина и др.

Общекультурная компетентность – одна из ключевых компетентностей, которая касается культуры личности во всех ее проявлениях [6]. На данный момент не существует единой трактовки понятия «общекультурная компетентность». Данное понятие рассматривается учеными как:

– интегративная способность личности ученика, обусловленная опытом освоения культурного пространства, уровнем обученности, воспитанности и развития, ориентации на использование культурных эталонов как критериев оценки при решении проблем познавательного, мировоззренческого, жизненного характера, то есть, ориентируется на сущностные характеристики компетентности как личностные качества, а именно способность студентов самостоятельно действовать при решении актуальных для них проблем (Л. Троянская) [7, с. 30];

– профессионально значимое интегративное качество личности, которое объединяет в себе мотивационно-ценностный, когнитивный, деятельностный и эмоциональный компоненты, и обеспечивает единство общей и педагогической культуры, а также определяет способность субъекта включаться в педагогическую деятельность, ориентироваться в современном социокультурном пространстве (Т. Ежова) [4, с. 9];

– совокупность знаний, умений и навыков, опыт творческой деятельности и система духовных ценностей, которые позволяют быть полноценным субъектом культуры определённого социума (О. Егоршина) [3, с. 8];

– результат образования, который выражается в системе знаний в области общечеловеческой культуры и характерных черт национальной культуры, знаний основ духовно-нравственных отношений и общественных явлений, традиций и умении практически применять их в системе социальных отношений, наличии представлений о научной картине мира, а также качествах личности, наличии опыта деятельности в области освоения культурного пространства (Г. Симдянова) [6, с. 262];

– готовность личности к гармоничному вхождению в культурное пространство человечества, к диалоговой форме общения с окружающими людьми; коммуникативная, эстетическая и этическая культура выпускника (О. Гусевская) [2, с. 131].

Таким образом, можно вывести следующее определение понятия общекультурная компетентность – это профессионально значимое качество личности, ее способность взаимодействовать с представителями других культур в условиях поликультурного общества, которое основывается на совокупности знаний, умений, навыков, мировоззренческих представлений, ценностных ориентаций и опыте, который проявляется в умственной культуре, общей эрудиции, культуре общения и позволяет эффективно осуществлять педагогическую деятельность.

Сформированная общекультурная компетентность позволяет:

- анализировать и оценивать важнейшие достижения отечественной и мировой культуры и науки;
- использовать средства и технологии межкультурного взаимодействия;
- пользоваться родным и иностранным языками, как следствие – умение толерантного общения;
- ориентироваться в информационном пространстве, использовать достижения высоких технологий в соответствии с современными требованиями.

Учитель иностранного языка должен одновременно осознавать себя как носителя национальной культуры и иметь сформированный поликультурный компонент профессиональной компетентности в связи с нарастающей проблемой мирного сосуществования и продуктивного сотрудничества людей разных наций, вероисповеданий, разнообразных стилей жизни, представителей разных культур. Поэтому в подготовке учителей иностранного языка на первый план выходит формирование готовности к организации межкультурного диалога, которая обусловлена уровнем их коммуникативных компетентностей.

Интерактивные методы обучения – это такая организация процесса обучения, в котором студенту невозможно не принимать участие – в коллективном, взаимодополняющем, основанном на взаимодействии всех его участников процессе учебного познания [5, с. 9].

Сегодня проблема интерактивного обучения активно разрабатывается в теоретическом и методологическом аспектах. Высшие учебные заведения готовы внедрять современные педагогические технологии, популярными среди которых являются компьютерное и дистанционное обучение, обучение с помощью интерактивных методик обучения по технологии тренинга, то есть модернизировать содержание современного педагогического образования на основе инновационных преобразований.

Выясняя сущность интерактивного обучения, сравним его с традиционными подходами к обучению и воспользуемся подходами, предложенными Я. Голантом. Он выделил активную и пассивную модели обучения в зависимости от участия в учебной деятельности субъекта. К этой классификации добавим интерактивное обучение как определенную разновидность активного, имеющего свои закономерности и особенности.

1. Пассивная модель обучения

Студент выступает в роли «объекта» обучения, что воспроизводит материал, переданный преподавателем – источником правильных знаний. К соответствующим методам обучения можно отнести те, при которых студенты только слушают и смотрят (лекция-монолог, чтение, объяснение, демонстрация). Студенты, как правило, не общаются между собой и не выполняют определенных творческих задач.

2. Активная модель обучения

Этот тип обучения предполагает применение методов, которые стимулируют познавательную активность и самостоятельность студентов. Студент выступает «субъектом» обучения, выполняет творческие задания, вступает в диалог с преподавателем. Основные методы: самостоятельная работа, проблемные и творческие задания, диалогические вопросы между преподавателем и студентом, развивающие творческое мышление.

3. Интерактивная модель обучения

Интерактивное обучение – это специальная форма организации познавательной деятельности, которая имеет конкретную, предсказуемую цель – создать комфортные условия обучения, при которых каждый студент чувствует свою успеваемость, интеллектуальную способность [5, с. 9].

Суть интерактивного обучения состоит в том, что учебный процесс происходит при условии постоянного, активного взаимодействия всех участников. Организация интерактивного обучения предусматривает моделирование жизненных ситуаций, использование ролевых игр, общее решение проблем на основе анализа и соответствующей ситуации. Оно эффективно способствует формированию навыков и умений, выработке ценностей, созданию атмосферы сотрудничества, взаимодействия.

К интерактивным методам обучения относятся:

1) лекционные формы обучения:

– лекция-беседа («диалог с аудиторией») – форма активного привлечения студентов посредством постановки вопросов, которые носят информационный характер;

– проблемная лекция – последовательное создание проблемной ситуации, которую студенты не в состоянии преодолеть с помощью имеющихся знаний;

– лекция-дискуссия (дебаты) – активный обмен мнениями, который дополняется системой деловых игр, самостоятельной работы;

– лекция-консультация – ответы преподавателя на вопросы студентов;

– лекция-пресс-конференция – обсуждение заранее определенных тем;

– лекция с заранее запланированными ошибками – предполагает закладывание в содержание определенного количества ошибок содержательного, методического и поведенческого характера, которые студенты должны определить;

2) семинары:

– семинар-дискуссия предполагает поддержание диалогического общения, в ходе которого происходит формирование практического опыта обсуждения и решения теоретических проблем;

– семинар-исследование – анализ актуальных теоретических и практических проблем с использованием игровых методик, тренинговых упражнений для формирования методологического мышления, выработки навыков и умений продуктивной умственной деятельности;

– метод мозговой атаки – это метод решения неотложных задач за короткое время. Сущность метода заключается в том, что необходимо выразить как можно наибольшее количество идей за небольшой промежуток времени, обсудить их и классифицировать;

– «круглый стол». Во время его проведения слушатели должны попытаться обоснованно задать вопросы по теме обсуждения, аргументировать подходы к их решению, а также сообщить об удачном и неудачном опыте;

– дискуссия – широкое публичное обсуждение противоречивой проблемы. Она способствует развитию критического мышления, дает возможность определить собственную позицию, углубляет знания по обсуждаемой теме;

– *case-study* – анализ конкретных практических ситуаций. Цель этого метода – научить студентов анализировать информацию, выявлять ключевые проблемы, выбирать альтернативные пути решения, оценивать их, находить оптимальный вариант и формулировать программы действий [5, с. 50].

Значительное место отводится игровым методам обучения, которые обеспечивают осознанную заинтересованную умственную деятельность студентов, активное восприятие теоретического материала в учебном процессе, развитие навыков самостоятельной выработки решений по проблемным вопросам. Игра способствует формированию практических умений, укреплению знаний и навыков в большей степени, чем словесные методы обучения, поэтому проведение деловой игры в процессе обучения активизирует занятия, повышает эмоциональную нагрузку студентов.

Таким образом, внедрение интерактивных методов позволяет повысить эффективность формирования профессионально-познавательного интереса студентов к предмету, умение решать практические задачи, готовность студентов – будущих учителей иностранного языка – к постоянному профессиональному самосовершенствованию и формированию и развитию их общекультурной компетентности в процессе профессиональной подготовки. Современность требует от учителя иностранного языка не только знакомства с теоретическими инновационными подходами к системе обучения, но и практическими технологиями, которые можно применять в обучении. Развитие техники, современных информационных систем требует от учителя иностранного языка целенаправленного и настойчивого овладения интерактивными технологиями обучения и их активного внедрения в учебный процесс.

Таким образом, использование интерактивных методов предоставляет неограниченные возможности практического использования учителем своего индивидуального творческого потенциала, личностных преобразовательных способностей, свидетельствует о безграничных возможностях учителя как личности и профессионала к творчеству, его способности к восприятию и созданию инноваций, к обновлению педагогического знания, обогащению теории и практики.

Перспективными для дальнейшего исследования остаются вопросы выбора и применения форм и методов интерактивного обучения при формировании общекультурных компетенций студентов.

Список литературы

1. **Голант, Е. Я.** Методы обучения в советской школе / Е. Я. Голант. – М. : Учпедгиз, 1957. – 152 с.
2. **Гусевская, О. В.** Формирование коммуникативной культуры личности как основа общекультурной компетентности / О. В. Гусевская // Ценности и смыслы. – 2009. – № 1. – С. 131–141.
3. **Егоршина, Е. В.** Интеграция учебной информации как способ формирования общекультурной компетентности учащихся (на материале изучения древнерусской литературы) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Егоршина Елена Валерьевна; Ярослав. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского. – Ярославль, 2003. – 22 с.
4. **Ежова, Т. В.** Формирование общекультурной компетентности студентов в образовательном процессе вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Ежова Татьяна Владимировна; Оренбург. гос. пед. ун-т. – Оренбург, 2003. – 22 с.
5. **Сафонова, Л. Ю.** Методы интерактивного обучения / Л. Ю. Сафонова. – Великие Луки : Псковский государственный университет, 2015. – 86 с.
6. **Симдянова, Г. Н.** Методика формирования общекультурных компетенций у учеников / Г. Н. Симдянова // Вектор науки ТГУ. – 2012. – № 1. – С. 262–263.
7. **Троянская, С. Л.** Развитие общекультурной компетентности в процессе образования / Троянская С. Л. – Ижевск : Удмуртский гос. ун-т, 2004. – 190 с.

Nekhaeva E. A.

Pedagogical Bases of General Cultural Competence Formation of Future Teachers of a Foreign Language by Means of Interactive Methods of Teaching

The article considers the application of interactive teaching methods in the process of forming the general cultural competence of students. The author gives the characteristics of interactive teaching methods as the basis for the formation of general cultural competence.

Key words: foreign language, general cultural competence, interactive, teaching methods.

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 811.111-26

Фомина Светлана Борисовна,
канд. филол. наук,
доцент кафедры теории и практики
перевода и общего языкознания
ГОУ ВО ЛНР «ЛГУ им. В. Даля»
sbfomina@gmail.com

Фразеологизмы в современном политическом дискурсе (специфика перевода с английского языка на русский)

Статья посвящена изучению фразеологизмов и специфике перевода, описаны семантические характеристики функционирования фразеологических лексических единиц, рассмотрено употребление в политическом дискурсе, выявлена специфика составляющих конститuentов, обоснованы способы перевода. Фразеологизм рассматривается как семантически целостная, относительно устойчивая, экспрессивная единица, выполняющая номинативную функцию. Определены переводческие решения при передаче значений различных типов фразеологизмов.

***Ключевые слова:** фразеология, политический дискурс, передача значений, классификация, семантика.*

Фразеологический фонд языка представляет особый интерес для современных лингвистических исследований, а антропологический подход в лингвистике предполагает учитывать как влияние культуры и языка на человека, так и наоборот, внесение человеком разнообразия, прецедентности как в язык, так и в культуру. Широкое применение фразеологических единиц как в подготовленной, так и в спонтанной речи способствует реализации коммуникативных намерений говорящего, так как фразеологизмы сохраняют культурную память народа, говорящего на данном языке, фиксируют в языковой форме процесс восприятия и толкования окружающего культурного пространства, приобретенный опыт нации. Конвенциональность (традиционность употребления фразеологизмов социумом) обуславливает отражение в них культурно закреплённых способов языкового мироощущения. Таким образом, исследование фразеологического состава языка объединяет как изучение функционирования языка в жизни человека, так и влияние человека на язык.

Проблематика исследования связана с выявлением трудностей перевода, обусловленных отклонениями, имеющими место на лексико-

семантическом уровне, а также постижением иноязычной культуры путем понимания языка народа, что требует обращения к специфике перевода фразеологизмов. Актуальность тематики сопряжена с комплексным подходом в описании англоязычной фразеологии и выявлением трудностей в достижении адекватности перевода, что проявляется как на лексико-семантическом, так и на грамматическом уровнях.

В статье применяются метод анализа и синтеза теоретического материала; метод контент-анализа с целью выявления лексических единиц в переведенном тексте; сравнительно-сопоставительный метод при рассмотрении отличительных особенностей фразеологических единиц; описательный метод, метод компонентного анализа.

Объектом данного исследования являются фразеологизмы в политическом англоязычном дискурсе.

Предметом – фразеологизмы и способы передачи их национально-культурной специфики в современном политическом дискурсе.

Цель статьи – проследить особенности функционирования фразеологизмов в современном политическом дискурсе, изучить приемы и способы перевода с английского языка на русский.

Политика всегда направлена на концентрацию усилий с целью завоевания или укрепления политической власти. «Предназначение политического дискурса – не просто информировать, а дать почву для убеждения и побудить к действию» [3, с. 128]. Фразеологические единицы в политическом дискурсе одновременно придают речи множество смысловых образов и усиливают эффект обратной связи с публикой, придавая речи живость и образность. Употребление фразеологизмов в прессе всегда привлекает внимание реципиента, являясь важным источником экспрессивно-эмоциональной насыщенности [6, с. 139]. Политики постоянно обращаются к фразеологии в своих устных выступлениях и письменных текстах. Образы, заложенные во фразеологической единице, служат отражением национальной индивидуальности народа, поэтому фразеологизмы часто носят ярко выраженный национальный характер [2, с. 38].

Фразеологизм – это «устойчивое, воспроизводимое в речи сочетание слов или предложение с полностью, или частично переосмысленным значением» [1, с. 10]. Например, *under the weather* – это идиоматическое выражение, которое повсеместно понимается как «заболеть», «быть не в настроении» и не может быть передано иначе.

Фразеологизм возникает тогда, когда, по меньшей мере, два слова (чаще знаменательных), формирующих его, оказываются семантически измененными в такой мере, что полностью или частично утрачивают собственное лексическое значение. Касательно классификации фразеологизмов отметим, что большинство лингвистов выделяют фразеологические сращения, единства и сочетания, причем, отмечается, что первые два типа фразеологизмов относятся к идиомам согласно степени мотивировки [5, с. 144].

Передача значений фразеологических единиц вызывает трудности в процессе перевода, о чем свидетельствует тот факт, что коммуникативные посредники допускают большое количество ошибок при интерпретации фразеологизмов [4, с. 3]. При переводе фразеологических единиц перед переводчиком стоит немало задач: передать смысл ФЕ, отразить образность оборота, найти аналогичное русское высказывание с учетом экспрессии идиоматического языка, что предполагает знание истории и культуры страны исходного языка.

В результате лингвистических исследований было предложено немало подходов к переводу фразеологических единиц. Лингвистами рекомендуются различные стратегии, приемы и методы перевода, выбор которых зависит от ситуации коммуникативного общения: эквивалентный перевод, аналоговый, калькирование и описательный перевод.

Рассмотрим англоязычные сращения, которые являются семантически связанными лексическими единицами, утратившими свою мотивированность, а также их семантические, этимологические особенности и способы перевода.

Аналоговый перевод – *to jump the gun* (лезть поперед батьки в пекло, спешить), *hand in glove* (быть в сговоре), *to sweep under the rug* (замять дело), *to fly in the face* (бросать вызов, становиться препятствием). Использование идиомы добавляет тексту политической статьи эмоциональности, однако вариант перевода на русский язык не всегда охватывает всего смысла и эмоции, соответственно, сохраняет лишь информативность текста: «Stopping students from coming to the United States would cause economic pain and fly in the face of cultural exchange» [11] (*Препятствование приезду студентов в Соединенные Штаты нанесет экономический ущерб и станет препятствием для культурного обмена* – тут и далее перевод наш).

Описательный перевод – *red herring* (отвлекающий маневр), *bust a gut* – (лезть из кожи вон), *a skeleton in the cupboard* (семейная тайна), *stone-cold sober* – (ни в одном глазу), *loose cannon* (вышедший из-под контроля человек), *whited sepulcher* – (человек, который показывает, что он лучше, чем он есть на самом деле, лицемер).

Так, например, сращение *a red herring* часто используется в телевизионных детективах в значении «отвлечь или сбить с пути», то есть *a red herring* подразумевает «отвлекающий манёвр». Это связано с тем, что исторически сельдь коптили, и использовали при обучении охотничьих собак, дабы они не сбивались с пути: *Recession, Or Red Herring?* (Рецессия или отвлекающий маневр?) [9].

Англоязычные фразеологические единства характеризуются частичной мотивировкой и образностью. Например, эквивалентный перевод – *Achilles heel* (Ахиллесова пята), *House of Cards* (карточный домик), *to give food for thought* (давать пищу для размышлений),

the Gordian knot (Гордиев узел), *cannon fodder* (пушечное мясо), *whet someone's appetite* (подогреть интерес, разжечь интерес), *catch red-handed* (поймать на горячем; взять с поличным); *catch fish in troubled waters* (ловить рыбу в мутной воде, наживаться; добиваться нечестным путем), *have one's cake and eat it* (гнаться за двумя зайцами), *muddy the waters* (мутить воду); *take the bull by the horns* (брать быка за рога).

Фразеологическое единство *House of Cards* («карточный домик») использовано в заголовке: «Opinion. From the House of the people to a house of cards» [8] (Мнение. Нижняя палата Конгресса превращается в карточный домик), однако перевод не передает саркастического эффекта игры слов, основанной на тавтологии, обратим внимание на то, что в Нижней палате Конгресса каждый штат представлен пропорционально. Сам фразеологизм взят из названия американского веб-сериала в жанре политического триллера, созданного Бо Уиллимоном.

Обратим внимание на использование мифологического фразеологизма в политическом дискурсе с целью привлечения внимания, что придает особый колорит и смысл высказыванию, отсылает к легендам: «This state is Donald Trump's Achilles' heel» [12]. (Этот штат – ахиллесова пята Дональда Трампа).

Аналоговый перевод – *call someone's bluff* (вывести кого-либо на чистую воду), *hive of activity* (центр активности), *white lies* (ложь во благо), *like greased lightning* (стремительно, подобно молнии), *play directly into the hands* (играть на руку), *sticking point* (камень преткновения), *to bite off more than he can chew* (откусить больше, чем можешь проглотить; переоценивать свои силы), *to get a taste of one's own medicine* (получить по заслугам), *black sheep* (паршивая овца), *to get to the bottom of something* (вникать в суть дела), *bull in a china shop* (слон в посудной лавке), *beat a dead horse* (тратить впустую время, толочь воду в ступе): «Why do so many people keep taking jabs at Trump? I get it, he sucks, but this is just beating a dead horse now» [10].

Ряд фразеологических единиц встречается в заголовках газетных изданий с целью привлечения внимания реципиентов (читателей). Например: «Trump's New Strategy on Iran "Takes the Bull by the Horns"» [10]. Использование фразеологизма в заголовке статьи не только привлекает внимание, но и формирует отношение читателя к ситуации: «Ask Amy: Friend's husband is a bull in her china shop» (Спросите Эми: муж подруги – слон в ее посудной лавке) [7].

Такое англоязычное фразеологическое единство, как *to bite off more than one can chew* означает, что человек берётся за дело, которое он не в силах выполнить. В XIX веке в Америке люди часто жевали табак. Иногда, от жадности, откусывали кусок больше, чем они могли прожевать. Таким образом, далее звучала фраза *bite off more than you can chew*, как предупреждение.

Англоязычным фразеологическим сочетаниям характерна мотивировка семантики составляющих, чем и обосновано использование такой переводческой трансформации, как калькирование: *to cast doubt* (заронить сомнения), *lion's share* (львиная доля), *to up the ante* (поднять ставки), *to reap the rewards* (пожинать плоды), *beat the drums of war* (бить в барабаны войны); *cause stir* (вызывать переполох); *moral juggernaut* (добродетельный джагернаут). Обратим внимание, что Джагернаут – один из ключевых суперзлодеев и самых сильных существ на Земле, существо вымышленное, фигурирующий в комиксах *Marvel*.

Эквивалентный перевод сочетаний – *armchair critic* (диванный критик).

В ходе анализа вышеперечисленных фразеологизмов было отмечено, что фразеологические единицы уходят корнями в народное прошлое, фольклор, мифы и появляются в результате устоявшихся норм поведения, традиций, обычаев, нравов всех народов. Некоторые фразеологизмы являются интернациональными, то есть пересекаются в разных языках с учетом их особенностей.

Анализ способов перевода англоязычных фразеологических единиц показал, что эквивалентный и аналоговый способы перевода преобладают при передаче значений фразеологизмов с английского языка на русский. Образность фразеологизмов может частично или полностью утрачиваться, так как не всегда представляется возможным подобрать полный или даже выборочный эквивалент. Эквивалентный и аналоговый способы перевода достаточно полно передают значения и образность фразеологических единиц. При калькировании образность может частично утратиться в связи с полисемантической английской лексикой, либо в результате культурных особенностей, но при правильном применении данного способа перевода смысл фразеологизмов передается в более-менее полной мере. При описательном переводе образность полностью утрачивается, однако, смысл фразеологизмов также передается. Перспективы исследований мы видим в дальнейшем изучении фразеологизмов в политическом дискурсе американских и английских политиков.

Список литературы

1. **Авербух, К. Я.** Лексические и фразеологические аспекты перевода : учеб. пос. для студ. высш. учеб. завед. / К. Я. Авербух, О. М. Карпова. – М. : Академия, 2009. – 176 с.
2. **Ганиева, Ф.** Фразеологические единицы как объект исследования в трудах отечественных исследователей / Ф. Ганиева // *Lingua mobilis*. – 2015. – № 1 (52). – С 38–47.
3. **Жукова, В. И.** Общая и прикладная политология : учеб. пособ. / В. И. Жукова, Б. И. Краснова. – М. : МГСУ; Союз, 1997. – 992 с.
4. **Пригорницкая, Д. Н.** Сложности перевода фразеологизмов в совре-

- менной англоязычной прессе / Д. Н. Пригорницкая // Идеи. Поиски. Решения : сб. статей и тез. : в 2-х т. : Т. 2. – С. 67–72.
5. **Современный русский язык:** теория анализа яз. един. : в 2-х ч. : Ч. 1 / Е. И. Диброва [и др.]. – М. : Слово, 2001. – 544 с.
 6. **Фомина, С. Б.** Лексико-семантические характеристики современного англоязычного газетного дискурса (научная статья) / С. Б. Фомина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики – 2020 – № 2 (37) – ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет» – С. 137–144.
 7. **Dickinson, A.** Ask Amy: Friend’s husband is a bull in her china shop / A. Dickinson [Электронный ресурс]: https://www.washingtonpost.com/lifestyle/advice/ask-amy-friends-husband-is-a-bull-in-her-china-shop/2021/10/07/02f3f154-1f3e-11ec-b3d6-8cdebe60d3e2_story.html, свободный. Дата обращения: 10.12.2022 г.
 8. **Flickinger, H.** Opinion. From the House of the people to a house of cards / H. Flickinger [Электронный ресурс]: https://www.washingtonpost.com/opinions/from-the-house-of-the-people-to-a-house-of-cards/2019/06/23/4ca06628-944b-11e9-956a-88c291ab5c38_story.html, свободный. Дата обращения: 10.01.2023 г.
 9. **Schulze, J.** Recession, Or Red Herring? [Electronic resource] / J. Schulze : <https://www.forbes.com/sites/jeffreyschulze/2022/09/19/recession-or-red-herring/?sh=30bc29bf165c>, свободный. Дата обращения: 10.01.2023 г.
 10. **Taheri, A.** Trump’s New Strategy on Iran “Takes the Bull by the Horns” / A. Taheri [Электронный ресурс]: <https://clck.ru/McJzn>, свободный. Дата обращения: 10.01.2023 г.
 11. **The Post’s View.** Trump’s Muslim ban would also hurt students [Электронный ресурс]: https://www.washingtonpost.com/opinions/trumps-muslim-ban-would-also-hurt-students/2016/08/16/ca65e284-55cb-11e6-bbf5-957ad17b4385_story.html, свободный. Дата обращения: 10.01.2023 г.
 12. **Wollner, A.** This state is Donald Trump’s Achilles’ heel / A. Wollner [Электронный ресурс]: <https://edition.cnn.com/2022/05/13/politics/trump-georgia-primary-gop-status/index.html>, свободный. Дата обращения: 10.01.2023 г.

Fomina S. B.

**Phraseologisms in Modern Political Discourse
(The Specifics of Translation from the English into Russian)**

The article is devoted to the study of phraseological units and the specifics of transferring the meanings. The semantic characteristics of the functioning

of phraseological lexical units are described and the use of them in political discourse is considered. The specificity of constituents is revealed, and the methods of transferring the meanings are substantiated. Phraseologism is considered as a semantically integral, relatively stable, expressive unit that performs a nominative function. Translation decisions are determined when transferring the meanings of various types of phraseological units.

Key words: *phraseology, political discourse, transferring the meanings, classification, semantics.*

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

УДК [316.77:СМИ]-055.2

Турилова Алёна Олеговна,
ассистент кафедры журналистики и
издательского дела
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
snegok88@mail.ru

Оселедько Марина Валерьевна,
ассистент кафедры журналистики и
издательского дела
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
mmalko73@mail.ru

«Женская судьба» как объект медийного интереса

В статье авторы рассматривают проблему освещения женских судеб в медианпространстве. Подчеркивается, что образ женщины, создаваемый на телевидении, является отражением социально-политической обстановки в стране и мире, а также показателем благополучия и здоровья общества.

Ключевые слова: *отечественные медиа, феминизм, женский образ на телевидении, роль женщин в социомедийном пространстве, проженская повестка в медианпространстве.*

Современное медианпространство в настоящее время всё больше внимания уделяет теме женских судеб на телевидении, в радиовыпусках, публикациях в газетах и электронных ресурсах. Женщины активно завоёвывают медийные площадки, появляясь даже там, где раньше традиционно были мужчины, становясь главредами и владельцами газет и крупнейших интернет-изданий.

Постоянно эволюционирует риторика освещения женских судеб в медийном пространстве, а сам образ женщины становится всё более самостоятельным и самодостаточным. Данному обстоятельству способствуют активная позиция феминистских движений и проженская повестка в медианпространстве. Отметим, что женский образ, создаваемый медиа, является отражением социально-политической обстановки в стране и мире, а также показателем благополучия и здоровья общества.

Цель статьи – рассмотреть женскую судьбу как объект медийного интереса.

Судьба отечественной (русской) журналистики всегда была тесно связана с женщинами – как авторами, так и героинями. На заре становления отечественной публицистики в XVIII в., как указывает Г. Лапшина, были три женские влиятельные фигуры – Елизавета, дочь Петра Великого, с ее правления начинается эпоха русского Просвещения; Екатерина II, которую уже привычно называют Великой, и ее соратница, княгиня Дашкова, Екатерина Малая, как она сама себя иногда именovala [2, с. 178].

Рассмотрим детальней вклад каждой из этих великих женщин в развитие русской публицистики. Если Петр Первый с выпуском газеты «Ведомости» «прорубил окно» в Россию официальной, государственной прессе, то его дочь Елизавета создала сегмент независимой от власти прессы, способствовав появлению первого отечественного частного журнала «Трудолюбивая пчела», возглавляемого А. Сумароковым [2, с. 179]. Этот журнал, публиковавший остросоциальные и сатирические материалы, был не единственным в своём роде, были ещё и «Праздное время, в пользу употребленное», «Полезное увеселение», «Свободные часы», «Московские ведомости». Как утверждает Г. Жирков, Елизавета разделила духовную и светскую цензуру [1, с. 18–22].

Следующая женщина, императрица Екатерина II, пошла другим путём – от относительно свободной печати к государственному контролю над тогдашними СМИ. Поначалу она инициировала создание нескольких частных изданий, среди которых «Всякая всячина», сатирический «Трутень» Н. Новикова, но со временем ужесточила цензуру, что, на наш взгляд, было связано с боязнью народного вольнодумства и страхом за свою власть.

Как утверждает Г. Лапшина, не обошёл цензурный молот и княгиню Дашкову, верную соратницу Екатерины II и одну из образованнейших женщин своего времени [2, с. 182]. Княгиня активно занималась журналистикой, основала журналы «Собеседник любителей русского слова» (1783) и «Новые ежемесячные сочинения» (1786), публиковалась во многих журналах, среди которых «Опыт трудов Вольного Российского собрания», в создании которого принимала непосредственное участие.

В первой половине XIX века широкое распространение получили так называемые «литературные салоны», где собиралось ядро русской журналистики. Как указывает Г. Лапшина, в те времена литераторами называли журналистов, отличая служение слову от оплаченной профессии [2, с. 185].

Богатые женщины того времени, среди которых часто были поэтессы и журналистки, активно предоставляли свои дома и усадьбы для съездов литераторов:

– дом З. Волконской на Тверской в 1825–1829 гг., где можно было встретить Д. Веневитинова, В. Жуковского, Е. Баратынского и П. Вяземского, В. Одоевского и П. Чаадаева, А. Пушкина;

- дом А. Елагиной у Красных ворот в Москве;
- Елагинские вечера, устраиваемые А. Елагиной, где присутствовали Н. Гоголь, М. Лермонтов, Ф. Тютчев, И. Тургенев, П. Чаадаев и др.;
- дом Е. Ростопчиной, где собирались Л. Толстой, А. Островский, Ф. Глинка, Д. Григорович;
- салон К. Павловой, который посещали М. Лермонтов, Н. Гоголь.

В те времена в Российской империи было много женщин, связанных с литературой: поэтессы А. Бунина, Ю. Жадовская, М. Лохвицкая, К. Павлова, Е. Ростопчина, О. Сюмина, Н. Теплова; авторы детских книг А. Зонтаг и А. Анненская, романистки А. Панаева и Н. Хвоцинская. Все указанные выше женщины активно сотрудничали со многими известными периодическими журналами тех лет.

Вторая половина XIX века приносит бурное развитие женского движения, что приводит женщин в журнальную публицистику и в издательско-редакторское дело. Примечательно, что в журнале «Маячок» С. Бурачка писательница и журналистка А. Зражевская опубликовала свой очерк-памфлет «Зверинец», где высказала свою мысль о праве женщин не только участвовать в жизни литературы, но и о праве их учиться в университетах. Как считает И. Юкина, с борьбы за это право и начинается развитие в русском обществе и, соответственно, в журналистике идей эмансипации, что существенно расширит участие в печати женщин, которые вскоре потребуют права не только на высшее образование, но и на свободный труд [3, с. 104].

М. Вернадская, Е. Конради, А. Евреинова, Л. Гуревич и мн. др. публиковали свои статьи во многих журналах, транслируя свои мысли на широкую читательскую публику и широко освещая проблемы феминизма в России. Открывались также специализированные «женские» журналы, такие как «Женский вестник» (1866–1868) Анны и Николая Мессарошей, «Друг женщины» (1882–1884) М. Богуславской, «Женское дело» (1899–1900) А. Толиверовой-Пешковой.

Все эти журналы были объединены одним фактом – коротким периодом существования, поскольку оказалось, что многими правами, которыми не обладали женщины, не обладали и многие мужчины. Право учиться в университетах, право на свободный труд, избирать и быть избранными – этих и многих других прав не имело большое количество населения Российской Империи. Женщины и мужчины были равны друг с другом в недостатке прав. Решение женских вопросов лежало в области демократизации гражданского общества, чего, естественно, не произошло, и закономерно наступил 1917 год.

Красный Октябрь принёс много нового и полезного в русское общество. Право на медицину, бесплатное образование, жильё, избирательное право, всеобщее равенство – всё это было гигантским шагом вперёд и значительным прогрессом на фоне всеобщего бесправия предыдущего

строю. Официально женщины были уравнены в правах с мужчинами – 8 Марта в память о Кларе Цеткин, эволюция от «Женщина – тоже человек» до «Женщина – друг человека» в кино.

Также стоит отметить, что традиционно мужчины были сильными, а женщины – красивыми; мужчины – «сильный пол», а женщины – «слабый» или «прекрасный». Частично гендерные стереотипы разрушила ВОВ, когда женщины могли получать командные должности. Однако анализ истории показал, что звезд Героя СССР у девушек было значительно больше, чем генеральских званий – если счёт женщин-героев СССР переваливает за сотни, то женщин-генералов можно пересчитать на пальцах одной руки.

В мирное время женщины могли занимать руководящие должности, что активно отражалось в фильмах – директор ресторана «Одуванчик» Т. Шумова из «Дайте жалобную книгу» (1965), директор крупного предприятия и депутат Моссовета Катерина из «Москва слезам не верит» (1980). Однако все крупные и значительные должности занимали именно белые цисгендерные мужчины – Ленин, Сталин, Хрущёв, Брежнев, Горбачёв. Политбюро ЦК КПСС в основном было представлено мужчинами. Исключение – Е. Фурцева, занимавшая пост министра культуры.

Коренной же перелом наступил во времена перестройки и распада СССР, когда женщины действительно уравнивались в правах с мужчинами, изменилась судьба женщины в медийном пространстве – с роли домохозяйки и хранительницы домашнего очага на движущий социополитический компонент современного правового государства. Нарастающие феминистические движения за права женщин ломают ложные гендерные стереотипы.

В настоящее время на телевидении можно увидеть как мужчин, так и женщин, они представлены в той или иной степени равномерно: это ведущие, тележурналисты Т. Канделаки, Е. Андреева, О. Шелест, О. Фёдорова, Я. Чурикова, И. Понарошку. Множество телевизионных проектов создано или ведётся женщинами: «Женский взгляд» с О. Пушкиной, «Наедине со всеми» с Юлией Меньшовой, «Взвешенные и счастливые люди» с Ю. Ковальчук и А. Чеховой, «Секс с Анфисой Чеховой», «Скульптурное лицо» с В. Цепляевой, «Регина +1» с Р. Тодоренко.

Девушки успешно работают не только на телевидении, но и на радио:

- «Радио ENERGY»: ведущие Е. Горностаева и Ю. Морозова, ди-джей А. Комолова;
- «Русское Радио»: ведущие А. Селезнева, А. Бородина, А. Довлатова;
- «Радио Шансон»: А. Каверина, Е. Шевцова;
- «Love radio»: Д. Лесничая, О. Мажара, Е. Еремина;
- М. Армас на «Серебряный Дождь», А. Высоцкая на «Автордио», К. Стриж на «Весна FM», Тутта Ларсен на «Финам FM» и мн. др.

Женщины могут не только работать в медиа, но и возглавлять их. М. Симоньян, возглавившая канал «Russia Today» ещё в 25 лет, за шесть лет прошла путь от военного корреспондента краснодарской ТРК (освещала конфликт в Чечне) до журналиста президентского пула от ВГТРК (рассказывала о событиях в Беслане). Г. Тимченко – российская журналистка, в 2004–2014 гг. главный редактор старейшего в России интернет-издания «Lenta.ru», генеральный директор и учредитель новостного проекта «Meduza» (выполняет функции иноагента), в котором с 2014 по 2016 г. она являлась также и главным редактором. Е. Осетинская в 2004–2011 гг. была главным редактором сайта издания «Ведомости», в 2011–2013 гг. – главредом журнала «Forbes» в РФ, в 2014–2016 гг. – шеф-редактором ИА «РБК», а в 2017 г. основала интернет-издание «The Bell».

Таким образом, концепт «женская судьба» в отечественной журналистике претерпевал значительные исторические изменения на всех этапах развития общества, отражая актуальные социальные тенденции.

Так, можно выделить три крупных этапа развития «женской судьбы» в отечественном медийном пространстве:

- имперский, когда женщина была хранительницей домашнего очага и верной помощницей своего мужчины;
- советский, когда женщина была передовиком производства, матерью-героиней или просто героиней;
- современный, когда женщина наконец-то стала просто женщиной и получила полный пакет прав и свобод, а также возможность самостоятельно распоряжаться своей жизнью, не завися при этом от общественного мнения.

Сегодня очень важно, в принципе, на фоне западных искажённых образов пропагандировать в отечественном медиаконтенте образы истинных женщин, которые играют ключевую роль в развитии любого общества и уделять этому должное внимание, что и может стать перспективой для следующего исследования.

Список литературы

1. **Жирков, Г. В.** История цензуры в России XIX–XX вв. / Г. В. Жирков. – М. : Аспект-Пресс, 2001. – 367 с.
2. **Котаева, А. Р.** Очерки в прессе и на ТВ: сравнительный речевой анализ / А. Р. Котаева // Жанры речи. – 2019. – № 4 (24). – С. 294–299.
3. **Юкина, И. И.** История женщин России / И. И. Юкина. – СПб. : Алетейя, 2003. – 234 с.

**Turilova A. O.,
Oseledko M. V.**

«Women's fate» as an object of media interest

In the article «Women's fate» as an Object of Media Interest, the authors consider the problem of covering women's destinies in the media space. It is emphasized that the image of a woman created on television is a reflection of the socio-political situation in the country and the world, as well as an indicator of the well-being and health of society.

Key words: *domestic media, feminism, female image on television, the role of women in the social media space, pro-women's agenda in the media space.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александрова Юлия Александрова, преподаватель Обособленного подразделения «Многопрофильный педагогический колледж Луганского государственного педагогического университета», г. Луганск, ЛНР

Бондаренко Кристина Александровна, старший преподаватель кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Британова Анна Анатольевна, студент 4 курса Института филологии и социальных коммуникаций, направление подготовки «Филология. Английский язык и литература» ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Гончарова Светлана Владимировна, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Дволучанская Виктория Александровна, доцент кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», кандидат педагогических наук, г. Луганск, ЛНР

Дворцова Александра Николаевна, старший преподаватель кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Долженко Дарья Александровна, старший преподаватель кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Зайцева Анна Юрьевна, преподаватель кафедры теории и практики перевода ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Коробко Кристина Вячеславовна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Некрутенко Елена Борисовна, доцент кафедры теории и практики перевода ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», кандидат педагогических наук, г. Луганск, ЛНР

Нехаева Екатерина Алексеевна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Оселедько Марина Валерьевна, ассистент кафедры журналистики и издательского дела ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Турилова Алёна Олеговна, ассистент кафедры журналистики и издательского дела ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Ухов Александр Сергеевич, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин и методик их преподавания ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», Старобельский факультет, кандидат философских наук, г. Старобельск, ЛНР

Чумак-Жунь Татьяна Владимировна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Фомина Светлана Борисовна, доцент кафедры теории и практики перевода и общего языкознания ГОУ ВО ЛНР «ЛГУ имени Владимира Даля», кандидат филологических наук, г. Луганск, ЛНР

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Вестник Луганского государственного педагогического университета» (Свидетельство № ПИ 000196 от 22 июня 2021 г.) основан в 2015 г.

Учредитель и издатель сборника – ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ».

Научный сборник является периодическим печатным научным рецензируемым изданием, имеющим сериальную структуру. На страницах сборника публикуются научные работы, освещающие актуальные проблемы отраслей знания и относящиеся к отдельным группам научных специальностей. С 2016 г. издаются серии: «Педагогические науки. Образование», «Физическое воспитание и спорт», «Филологические науки. Медиакommunikации», «Биология. Медицина. Химия» «Гуманитарные науки. Технические науки».

Редакция сборника публикует научные работы, отвечающие правилам оформления статей и других авторских материалов, принятых в издании.

Авторские рукописи, подаваемые для публикации в выпусках серий, должны соответствовать их научному направлению и отличаться высокой степенью научной новизны.

Материалы могут подаваться на русском языке. Допускается публикация на английском языке. В таком случае авторы должны предоставить развернутую русскоязычную аннотацию (до 2 тыс. знаков). Статьи публикуются на языке оригинала.

Публикация научных материалов осуществляется при условии предоставления авторами следующих документов:

1. Авторская заявка/согласие на публикацию авторских материалов.
2. Текст научной статьи (научного обзора, научного сообщения, открытой научной рецензии, публикация по материалам научных событий, информация об отечественных и зарубежных научных школах, персоналиях), соответствующий тематике серии сборника.
3. Рецензия на статью, подготовленную аспирантом или соискателем ученой степени кандидата наук, подписанная научным руководителем или заведующим кафедрой, на которой выполняется диссертационное исследование. Рецензия должна объективно оценивать научную статью и содержать всесторонний анализ ее научных достоинств и недостатков.

Заявка и научная статья или другие авторские материалы направляются в редакцию серии в электронном виде. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо. Авторская заявка с подписью автора(-ов), рецензия на статью подаются в отсканированном виде. Названия предоставляемых файлов должны соответствовать фамилии автора(-ов) и названию документов.

Рукописи статей проходят процедуру макетирования. Все элементы статьи должны быть доступны для технического редактирования и отвечать техническими требованиями, принятым в издании.

Материал для опубликования предоставляется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется в текстовом формате, полностью совместимом с Word 97-2003. Рукопись должна иметь ограниченный объем 7–12 страниц машинописного текста (0,3–0,5 авторского листа; 12–20 тыс. печатных знаков с пробелами) включая аннотацию, иллюстративный и графический материал, список литературы.

Формат страницы А4; книжная ориентация; поля: левое 3 см, верхнее 2 см, правое 1,5 см, нижнее 2 см; гарнитура Times New Roman; цвет текста – черный; размер шрифта 14 кегль; интервал 1,5; выравнивание по ширине текста. Абзац выделяется красной строкой, отступ 1,25. Текст печатается без переносов, соблюдается постановка знаков дефиса (-) и тире (–), а также типографских кавычек (« »), в случае использования двойных кавычек внешними являются кавычки (« ») «елочки», внутренними – (, “) «лапки»).

Выравнивание отступа с помощью табуляции и пропусков не допускается. Уплотнение интервалов, набор заголовка в режиме Caps Lock, использование макросов и стилевых оформлений Microsoft Word запрещено.

В тексте статьи ссылки нумеруются в квадратных скобках, где первый номер указывает на источник в списке литературы, последующие – на страницы источника или другие источники, в таком случае номера источников отбиваются знаком (;). Например, [3, с. 65]; [4; 7; 9]; [2, т. 3, с. 41–44]; [1, с. 65; 3, с. 341–351]. Размещение в тексте прямых цитат без сносок не допускается. Сноски вниз страницы не выносятся.

При написании фамилий и инициалов используется следующее правило: инициалы печатаются через точку без пробела, инициалы от фамилии отбиваются неразрывным пробелом (Ctrl + Shift + «пробел»). Например, М. А. Крутовой. Согласно стилю оформления научной публикации предпочтительнее сначала указывать инициалы ученого, а затем его фамилию.

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте должна иметься ссылка на конкретный рисунок, например, (Рис. 2). Каждый рисунок следует создавать в отдельном файле, а затем вставлять в статью с помощью функции «вставка» с обтеканием текстом. Не допускается выход рисунков за границы текста на поля. Все рисунки должны обеспечивать простое масштабирование с сохранением взаимного расположения всех элементов и внутренних надписей. Не допускается составление рисунка из разрозненных элементов. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области.

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунков следует сохранять в форматах jpg, tif.

Каждую таблицу необходимо снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы следует предоставлять в текстовом редакторе Microsoft Word, располагать в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи необходимо давать ссылку на конкретную таблицу, например, (Табл. 2). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. В таблицах допускается использование меньшего кегля, но не менее 10.

Текст научной статьи должен иметь следующую структуру:

1. Индекс УДК (универсальной десятичной классификации публикуемых материалов) выставляется без абзаца.

2. Фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, звание, должность автора(-ов), название учебного заведения или научной организации, в которой выполняется диссертационное исследование, электронный адрес автора(-ов).

3. Заголовок статьи. Заголовок должен быть информативным и содержать только общепринятые сокращения; набираться строчными буквами жирным шрифтом, без разбиения слов переносами, с выравниванием по центру строки, без абзацного отступа, без точки в конце.

4. Аннотация. Описывает цели и задачи проводимого исследования, а также возможности его практического применения. Аннотация на русском языке помещается в начале статьи, на английском – в конце. Аннотация должна быть написана от третьего лица и содержать фамилию и инициалы автора(-ов), заголовок статьи, ее краткую характеристику. Рекомендуемый объем аннотации 3–4 предложения; 40–60 слов; 500 знаков. Англоязычная аннотация должна выполняться на профессиональном английском языке.

5. Ключевые слова (5–7 слов / словосочетаний, определяющих предметную область научной статьи) на русском языке (располагаются после аннотации на русском языке) и английском (размещаются после аннотации на английском языке). В перечне ключевых слов должны быть представлены общенаучные или профильные термины, упорядоченные от наиболее общих к более конкретным.

6. Вводная часть статьи, постановка проблемы, цель статьи, представление новизны излагаемых в статье материалов.

7. Данные о методике проводимого исследования.

8. Экспериментальная часть, анализ, обобщение, описание и объяснение полученных данных. По объему – занимает центральное место в статье.

9. Выводы и рекомендации, перспективы развития поставленной проблемы.

10. Список литературы, представленный в алфавитном порядке в виде нумерованного списка. В статье рекомендуется использовать не более 10 литературных источников. Заголовок «Список литературы» набирается строчными буквами, с выравниванием по центру строки, без абзацного отступа, без точки в конце и ниже с выравниванием по ширине приводится пристатейный нумерованный список литературы. Фамилии и инициалы авторов набираются полужирным шрифтом, библиографическое описание источника обычным.

Каждый новый структурный элемент статьи не нужно нумеровать, выделять, называть. Изложение материала статьи должно быть последовательным, логически завершенным, с четкими формулировками, исключая двойное толкование или неправильное понимание информации. Оформление текста должно соответствовать литературным нормам, быть лаконичным, тщательно выверенным.

К публикации принимаются научные статьи, выполненные в строгом соответствии с техническими требованиями к оформлению статей и других авторских материалов. Текстовые принципы построения научной статьи могут варьироваться в зависимости от тематики и особенностей проводимого исследования. Материалы, не отвечающие основным предъявляемым требованиям, к рассмотрению не принимаются. Рукописи статей, сопроводительные документы как опубликованных, так и отклоненных авторских материалов авторам не возвращаются.

Авторы научных статей несут всю полноту ответственности за достоверность сведений, авторскую принадлежность представленного материала, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники, приведенные инициальные сокращения.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора присланных материалов, их рецензирования и редактирования без изменения научного содержания авторского варианта. Принятые к публикации научные статьи включаются в очередной номер журнала в порядке поступления.

Редакция не принимает к публикации статьи, опубликованные ранее в других изданиях. Публикация статьи в сборнике не исключает ее последующего переиздания, однако, в таком случае необходимо приводить ссылку на «Вестник Луганского государственного педагогического университета» как на первоисточник.

После выхода в свет печатной версии научного сборника, его полнотекстовые электронные копии размещаются в базе данных Научной библиотеки, а также на официальном сайте Луганского государственного педагогического университета в формате pdf. Электронные материалы могут копироваться по электронным сетям и распечатываться авторами для индивидуального пользования с указанием выходных данных сборника.

Согласие автора на публикацию статьи, данное в заявке, рассматривается и принимается редакцией сборника как его согласие на размещение предоставленных авторских материалов в свободном электронном доступе.

В заявке авторы должны подать следующую информацию:

1	Полное название статьи	
	<i>Заполняется каждым автором</i>	
	ФИО (полностью)	
2	Учёная степень, звание	
3	Название организации (вуз, кафедра, лаборатория, отдел), которую представляет автор (в именительном падеже), должность	
4	Страна, город	
5	Контактный номер телефона	
6	Почтовый адрес, индекс	
7	Адрес электронной почты	
8	Авторское согласие на печать и размещение рукописи в электронных базах свободного доступа	Подпись автора

*Редакция Вестника
Луганского государственного
педагогического университета*

Научное издание

Коллектив авторов

ВЕСТНИК

ЛУГАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 3

Филологические науки. Медиакommunikации

Сборник научных трудов

Главный редактор – **Л. Н. Синельникова**
Редактор серии – **А. А. Новикова**
Выпускающий редактор – **Г. Г. Калинина**
Корректор – **О. И. Письменская**
Компьютерная верстка – **Н. С. Брюховецкая**

Подписано в печать 10.04.2023. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Печать ризографическая. Формат 70×100 1/16. Усл. печ. л. 8,13.

Тираж 18 экз. Заказ № 37.

Издатель

ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»

«Книга»

ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 91011. Тел. : (0642)58-03-20

e-mail: knitaizd@mail.ru